

ВИДОВАЯ СИСТЕМА ЭНЕЦКОГО ЯЗЫКА НА ФОНЕ РУССКОЙ: К ТИПОЛОГИИ СЛОВОКЛАССИФИЦИРУЮЩЕГО ВИДА*

© 2017

Андрей Болеславович Шлуинский

Институт языкознания РАН, Москва, 125009, Российская Федерация;
МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, 119991, Российская Федерация; ash1@yandex.ru

В статье рассматривается видовая система энецкого языка — неславянского языка со словоклассифицирующей категорией вида, различающей перфективные и имперфективные глаголы. Поскольку такие видовые системы ранее рассматривались в основном на материале славянских и некоторых ареально близких к ним языков, энецкая видовая система сопоставляется с хорошо изученной русской. Это сопоставительное исследование делает шаг к тому, чтобы выяснить, какие из широко известных особенностей русского и в целом славянского вида представляют собой его специфику, а какие воспроизводятся и в других словоклассифицирующих видовых системах. С одной стороны, выясняется, что во многих аспектах (употребление имперфектива с обстоятельствами длительности, сочетаемость имперфектива с фазовыми глаголами, способность имперфективных глаголов выражать завершенную ситуацию, организация аспектуальной композиции) энецкая система аналогична русской. С другой стороны, в энецком языке обнаруживается существенно более широкая дистрибуция перфективных глаголов, что естественно связать с тем, что, в отличие от русского языка, в энецком перфективные глаголы составляют большинство среди непроезванных.

Ключевые слова: аспект, вид, вид славянского типа, самодийские языки, словоклассифицирующие видовые системы, энецкий язык

ASPECT SYSTEM OF ENETS AGAINST THE BACKGROUND OF RUSSIAN: A CASE STUDY OF “CLASSIFYING” VIEWPOINT ASPECT

Andrey B. Shluinsky

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, 125009, Russian Federation;
Lomonosov Moscow State University, Moscow, 119991, Russian Federation; ash1@yandex.ru

The paper deals with the aspect system of Enets, a non-Slavic language with a “classifying” (derivational) viewpoint aspect distinguishing perfective and imperfective verbs. Since such aspect systems have so far been studied mainly in Slavic and some areally close languages, the aspect system of Enets is compared with the system of Russian, one of the most thoroughly described ones. Such a comparative study is a step towards revealing which well-known features of Russian aspect and Slavic aspect in general are language- and group-specific peculiarities and which of them are present in other classifying aspect systems. On the one hand, many aspects of the Enets system are found in Russian (using imperfective with adverbials of duration; using imperfective with phasal verbs; expressing completed events with imperfective verbs; type of aspectual composition). On the other hand, Enets has a significantly broader distribution of perfective verbs; this could be related to the fact that, in contrast to Russian, the major part of Enets underived verbs are perfective.

Keywords: aspect, derivational aspect systems, Enets, Samoyedic, Slavic-style aspect

* Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 16-18-02081. Основным фактическим материалом послужили данные, полученные и обработанные преимущественно в рамках проекта «Документация энецкого языка: оцифровка и анализ архивных материалов и полевая работа с последними

1. Видовая система энецкого языка в контексте типологии словоклассифицирующих видовых систем

Задача настоящей статьи состоит в том, чтобы представить типологически ориентированное описание неславянской системы словоклассифицирующего вида на материале энецкого языка. С одной стороны, мы стремимся показать, что словоклассифицирующие видовые системы, хорошо известные лингвистике на примере славянских языков, вовсе не исчерпываются славянскими и некоторыми структурно и ареально близкими к ним языками; с другой стороны, мы хотим представить и межязыковую вариативность такого рода систем, рассмотрев структурно несходный пример.

Рассматриваемая в настоящей статье категория «собственно вида» (viewpoint aspect) принадлежит к числу ядерных категорий глагола и в том или ином виде описана в большинстве языков мира. Речь идет о категории, которая противопоставляет перфективный vs. имперфективный видовые ракурсы в их самом общем понимании: перфективный ракурс вводит в рассмотрение «извне» цельную темпорально ограниченную ситуацию, тогда как имперфективный ракурс рассматривает ситуацию «изнутри» и тем самым представляет ее как темпорально неограниченную [Исаченко 1960: 133; Comrie 1976: 3—4]; в другой терминологии перфективный и имперфективный ракурсы различаются предшествованием vs. синхронностью точки отсчета [Падучева 1996]. Хотя такие формулировки вовсе не могут предсказать употребление соответствующих граммем во всех языках мира (и, более того, не могут на это претендовать, так как в разных языках семантика граммем перфектива и имперфектива может быть различной), она представляется достаточной для идентификации релевантных явлений. Говоря о видовой системе, мы имеем в виду именно категорию «собственно вида», не углубляясь в проблематику более частных видовых значений.

Видовые системы с известной долей условности могут быть разделены на словоизменяемые и словоклассифицирующие¹. Словоизменяемая категория вида более типична для языков мира; в языках со словоизменяемой категорией вида глагольная система

носителями» (Б. Комри, О. В. Ханина, А. Б. Шлуинский) при финансовой поддержке международного фонда «Программа документации языков, находящихся под угрозой исчезновения» (Endangered Languages Documentation Programme, ELDP), 2008—2011 гг.

Автор выражает благодарность всем носителям энецкого языка, с которыми ему посчастливилось работать; Н. М. Стойновой, С. А. Трубецкому и в особенности М. А. Овсянниковой, участвовавшим в сборе и расшифровке энецких текстов; Дудинскому отделению ГТРК «Норильск», Таймырскому Дому народного творчества, Д. С. Болиной, О. Э. Добжанской, И. П. Сорокиной и А. Ю. Урманчевой, любезно предоставившим архивные аудиозаписи, сделанные в разные годы Д. С. Болиной, Н. Н. Болиной, О. Э. Добжанской, К. И. Лабанаускасом, И. П. Сорокиной, Е. А. Хелимским. Изучение энецкого языка многие годы ведется автором совместно с О. В. Ханиной, с которой были приняты многие аналитические решения при анализе энецкой грамматической системы и которая сделала замечания к начальной версии данной статьи. Типологически ориентированной стороной исследования автор обязан П. М. Аркадьеву и С. А. Оскольской, совместно с которыми были проведены пилотные сопоставительные исследования словоклассифицирующего вида [Аркадьев, Шлуинский 2015] и аспектуальной деривации [Оскольская, Шлуинский 2014]. Предварительные материалы к статье были представлены в виде доклада на Международной конференции, посвященной 50-летию Петербургской типологической школы (2011 г.), обсуждение которого оказало влияние на дальнейшую работу. Текст статьи был существенно улучшен благодаря замечаниям анонимных рецензентов. Все недостатки настоящей статьи, разумеется, остаются на совести автора.

¹ Сам общий термин «(слово)классифицирующая грамматическая категория» мы используем в полном соответствии с отечественной терминологической традицией, ср.: «Мы будем говорить, что грамматическая категория является словоизменяемой для данной парадигмы, если в грамматических значениях, представленных в этой парадигме, встречается не менее двух разных граммем этой грамматической категории. Мы будем говорить, что грамматическая категория является классифицирующей для данной парадигмы, если в грамматических значениях, представленных в этой парадигме, встречается ровно одна граммема этой грамматической категории» [Зализняк 1967: 31].

включает перфективные и имперфективные видовые (или, чаще, видо-временные) показатели. Так, например, во французском языке среди форм с референцией к прошлому с точки зрения «собственно вида» противопоставлены имперфективная форма *lisait* ‘читал(а)’ vs. перфективные формы *lut/a lu* ‘прочитал(а)’. Словоклассифицирующая категория вида типологически раритетна и известна лингвистике прежде всего по материалу славянских языков, хотя, как отмечено в [Плунгя 2011: 406—416] и показано более подробно в [Аркадьев, Шлуинский 2015], представлена в языках самых разных семей и ареалов. Примером словоклассифицирующего вида может служить вид в русском языке, где противопоставлены не имперфективные и перфективные формы, а, например, имперфективный глагол *читать* и перфективный глагол *прочитать*. Помимо словоизменительных и словоклассифицирующих видовых систем в языках мира представлены также устроенные сложнее «смешанные» системы, сочетающие черты тех и других; ярким примером языка с такой системой является нанайский, подробно описанный с этой точки зрения в [Оскольская 2016]².

Перечислим основные признаки словоклассифицирующей видовой системы:

- глагольная лексика разделяется (почти) без остатка на перфективные vs. имперфективные глагольные лексемы;
- видовая характеристика непроизводных глаголов не может быть установлена на морфологических основаниях (так, в русском языке глаголы *купить* и *рубить* принадлежат к разным видам, но к одному и тому же морфологическому классу);
- несловоизменительный статус категории вида компенсируется при помощи аспектуальных дериваций, образующих от глагольной лексемы одного вида (перфективного или имперфективного) глагольную лексему противоположного вида (имперфективного или перфективного соответственно);
- видовая характеристика глагольной лексемы сохраняется во всей ее парадигме (так, в русском языке формы *куплю, купил, купить, купивший* и *срублю, срубил, срубить, срубивший* все перфективные, а формы *рублю, рубил, рубить, рубивший* и *покупаю, покупал, покупать, покупавший* все имперфективные).

Необходимо оговорить, что принимаемая в данной работе вслед за другими исследователями (см., в частности, [Падучева 1989; 1996: 84—102]) традиционная «школьная»/«словарная» трактовка славянской категории вида как словоклассифицирующей, т. е. противопоставляющей различные глагольные лексемы совершенного и несовершенного вида, не является единственно возможной и сосуществует в обширной литературе со словоизменительной трактовкой. Обсуждение аргументов в пользу той или иной трактовки русского вида представлено в специальных публикациях [Перцов 1998; Горбова 2017] и, например, в [Анна Зализняк, Шмелев 2000: 14—16], причем многие из аргументов в пользу одной и другой точки зрения, разбираемых в данных работах, могут быть перенесены со славянских видовых систем и на самодийские (к числу которых принадлежит рассматриваемая нами энецкая), а также на другие системы, которые мы идентифицируем как словоклассифицирующие. Мы не настаиваем на теоретической обоснованности нашего выбора словоклассифицирующей трактовки, однако, во-первых, считаем ее наиболее удачным способом терминологически разграничить глубоко несходные по морфологической организации видовые системы типа славянских и самодийских и более стандартные типа, например, французской, а во-вторых, опираясь на опыт работы с материалом малоизученного энецкого языка, мы считаем этот выбор технически удобным для описания (что верно и для русского языка, если ориентироваться на лексикографическую практику).

В литературе нередко происходит произвольное отождествление славянского, наиболее изученного, вида и словоклассифицирующего вида вообще. Так, понятия «видовое

² Для «смешанных» систем, в частности, в отличие и от словоизменительных, и от словоклассифицирующих, неочевидна трактовка вида как грамматической категории в классическом понимании. Подробный разбор этой темы, однако, выходит за рамки задач настоящей статьи.

противопоставление славянского типа» [Маслов 1984: 36—39] или «Slavic-style aspect» [Dahl 1985: 84—89] расширяют славянский вид до статуса типологически релевантной категории фактически без опоры на типологические данные; есть также ряд исследований, в которых славянский вид рассматривается в одном ряду с видовыми системами ареально и типологически близких неславянских языков, к примеру [Tomelleri 2010; Аркадьев 2015].

В настоящей работе, обращаясь к материалу энецкого языка, также имеющего словоклассифицирующую видовую систему, но несходную со славянской, мы выясняем, до какой степени в этом языке будут представлены различные характерные признаки русского вида³. Во-первых, это морфологическая организация видовой деривации: в русском языке большинство непроизводных глаголов имперфективные, а перфективные глаголы производны от имперфективных с помощью «ограничителей» с исходной локативной семантикой — глагольных приставок⁴, ср. понятие «bounder perfectivization» в [Bybee, Dahl 1989], см. также [Аркадьев 2007; 2015]. Во-вторых, это более широкая дистрибуция имперфектива, нежели в словоизменяемых видовых системах, как отмечено в [Dahl 1985: 74—81], а именно наличие так называемого общефактического значения, как в предложении *Он читал эту книгу*; сочетаемость с обстоятельствами длительности, как в предложении *Он читал книгу два месяца*; сочетаемость с обстоятельствами способа действия, как в предложении *Он читал письмо медленно*. В-третьих, это специфика «славянской» аспектуальной композиции в противопоставление «среднеевропейской», отмеченная в [Dahl 1985: 75] и детально обсуждаемая в [Filip 1999; 2005; Paducheva 2009; Татевосов 2009; 2015: 112—158]: в русском языке предельность предикации⁵ предопределена глагольной лексемой и не зависит от кумулятивности аргумента — так, русские предложения с глаголом *есть* всегда непредельны, как *Он ел яблоко/суп десять минут*, тогда как русские предложения с глаголом *съесть* всегда предельны, как *Он съел яблоко/суп за десять минут*, в отличие от английских предложений с глаголом *eat*, предельность которых зависит от аргумента, ср. *He ate an apple in ten minutes* vs. *He ate soup for ten minutes*. Наконец, это более частные факты, касающиеся дистрибуции русского перфектива и имперфектива: например, в русском языке, как известно, только имперфектив сочетается с фазовыми глаголами, ср. *Он начал есть/*съесть суп*, перфектив имеет идиосинкратическую семантику в императиве при отрицании, ср. *Не съешь яблоко* vs. *Не ешь яблоко*. Сравнение устройства энецкой видовой системы с русской в этих аспектах представляет собой шаг к тому, чтобы выяснить, какие из перечисленных особенностей связаны со словоклассифицирующим характером видовой системы, а какие представляют собой русскую и, шире, славянскую специфику. Аналогичная задача ставится в [Tomelleri 2010] при сопоставлении с русской системой словоклассифицирующих видовых систем Кавказа (грузинской и осетинской), однако самодийские системы даже на самый поверхностный взгляд существенно больше отличаются от славянских, чем кавказские.

2. Энецкий язык, материал исследования и история вопроса

Энецкий язык относится к самодийской ветви уральской языковой семьи и представлен двумя диалектами: лесным энецким и тундровым энецким. В настоящее время число

³ Детали функционирования видовых систем далеко не всегда тождественны в разных славянских языках, как показано, в частности, в сопоставительных работах [Петрухина 2000; Dickey 2000]. Для простоты мы далее сопоставляем энецкий вид только с русским, наиболее хорошо знакомым читателю.

⁴ Надо отметить, что в типологической перспективе некорректно и отождествление имеющих исходную локативную семантику «ограничителей» с приставками и превербам: так, в чадском языке марги [Hoffmann 1963] и океанийском мокильском языке [Harrison, Albert 1976] перфективирующие «ограничители» представляют собой суффиксы.

⁵ Как известно, у русскоязычного термина «предельность» есть разные понимания. В настоящей работе мы, вслед за, в частности, [Татевосов 2015], имеем в виду понимание, аналогичное англоязычному термину «telicity».

носителей обоих диалектов вместе взятых составляет не более 45 человек с компетенцией разного уровня в возрасте старше 45 лет. Все они проживают в Таймырском муниципальном районе Красноярского края; носители лесного диалекта живут в основном в пос. Потапово и в г. Дудинка, а носители тундрового диалекта — в пос. Воронцово и в Тухардской тундре. Основными публикациями по грамматике энецкого языка являются работы [Castrén 1854; Терещенко 1966; Сорокина 2010; Siegl 2013]; глагольная система описана в [Сорокина 1975б] и [Урманчиева 2006]; сведения о морфологии глагола суммированы в [Гусев 1994; Урманчиева 2013].

В настоящей статье рассматривается материал лесного диалекта энецкого языка; в целом видовая система тундрового диалекта устроена сходным образом. В основном были использованы данные корпуса естественных текстов, включающего транскрипции около 30 часов лесной энецкой речи⁶; кроме того, учтены и данные основного массива опубликованных текстов [Сорокина, Болина 2005], а также, в тех случаях, когда на искомое явление не обнаружены естественные примеры, элицированные данные (сопровождаются пометой «elic.»).

Видовая система энецкого языка принципиально сходна с видовой системой других ныне существующих самодийских языков: селькупского [Кузнецова и др. 1980: 209—210; Кузнецова 2008; Казакевич 2008], тундрового ненецкого [Терещенко 1947: 174—184; Иосад и др. 2005; Nikolaeva 2014: 45—46], нганасанского [Терещенко 1979: 198, 235—248; Хелимский 1994: 205; Гусев 2012]. Видовая система ныне исчезнувшего камасинского языка принципиально отличается от других самодийских: в этом языке вид является словоизменной, а не словоклассифицирующей категорией, см. [Künnap 1978: 114—142; Klumpp 2005]; крайне ограниченные сведения о матурском языке, собранные в [Helimski 1997], не позволяют судить о его видовой системе. Хотя разные исследователи по-разному подходят к трактовке самодийского вида, можно считать достигнутым согласие в том, что в самодийских языках (за исключением камасинского) глагольные лексемы — как производные, так и непроизводные — делятся на два больших класса перфективных и имперфективных⁷ (в другой терминологии с несколько иным содержанием — предельных и непредельных соответственно) глаголов, а при помощи деривационных средств могут быть образованы лексемы противоположного вида [Кузнецова и др. 1980: 209; Гусев 2012: 311; Nikolaeva 2014: 45].

Непосредственно видовой системе энецкого языка, если не считать краткого перечисления основных показателей аспектуальной деривации в очерках [Прокофьев 1937: 87] и [Терещенко 1966: 453], посвящены публикации [Сорокина 1975а; 1990] и [Siegl 2011], а также соответствующие разделы в работах тех же авторов [Сорокина 1975б: 62—74; 2010: 292—308; Siegl 2013: 266—277]. Как И. П. Сорокина, так и Ф. Сигл отказывают энецкому языку в существовании категории вида аналогичной по своей структуре категории вида в русском и других славянских языках⁸, и в основном ограничивают свое описание детальным разбором значений и употреблений показателей аспектуальной деривации⁹. Они убедительно

⁶ Корпус продолжает обновляться, самая актуальная его версия может быть получена у автора. Предшествующие версии общедоступны по адресу: <http://elar.soas.ac.uk/deposit/0302> или <http://larkpie.net/siberianlanguages/recordings/forest-enets>.

⁷ Это разделение касается лексических глаголов. Как основной энецкий отрицательный глагол, так и прочие отрицательные глаголы (см. о них [О. Ханина, Шлуинский 2012]) аспектуально нейтральны, так как видовое значение конструкция с ними получает в зависимости от вида лексического глагола. То же, по-видимому, верно и для других самодийских языков.

⁸ В то же время, однако, в грамматическом очерке, предворяющем словарь [Сорокина, Болина 2009], энецкая категория вида кратко упомянута как бинарная, противопоставляющая перфективные и имперфективные глаголы.

⁹ В работах И. П. Сорокиной используется термин «видовые классы», принадлежащий Б. А. Серебрянникову [1960] и распространенный в уралистике и алтаистике. По существу этот термин соответствует наиболее принятому пониманию термина «способ действия/Aktionsart» (последний упоминается и в [Сорокина 1975а: 131]), ср. также термин «совершенство» [Исаченко 1960: 209—222], использованный для самодийского материала в [Кузнецова и др. 1980: 217—233].

показывают, что энецкая видовая система не похожа на славянскую, и потому избегают говорить об энецком виде в тех же терминах; в [Siegl 2011], более того, выделение категории вида аналогичной славянской как в самодийских языках, так и в ряде других языков Сибири признается неоправданным влиянием родного языка русскоязычных исследователей. Как нам кажется, прежде всего неоправданно отождествление видовых систем по-разному устроенных разных языков Сибири в целом и уральских и алтайских языков в частности. Энецкая глагольная лексика, как и глагольная лексика других самодийских языков, очевидным образом распадается на два класса в зависимости от выражаемого значения «собственно вида», и потому можно говорить о словоклассифицирующей категории вида в энецком языке, а сходства и несходства этой категории с аналогичной категорией в русском языке, как было сказано, составляют предмет нашей статьи.

Следует также сказать о лексикографической практике. Как опубликованные словари лесного диалекта [Сорокина, Болина 2001; 2009], так и ориентированный в основном на тундровый диалект неопубликованный энецкий словарь [Хелимский, рук.], во-первых, рассматривают непроектируемые энецкие глаголы и образованные от них аспектуальные дериваты как разные леммы, а во-вторых, более или менее последовательно дают перевод перфективных энецких глаголов русскими глаголами совершенного вида и, соответственно, перевод имперфективных энецких глаголов русскими глаголами несовершенного вида. Это ясно показывает, что, по крайней мере в практических целях, имплицитное отождествление энецкой категории вида с русской происходит интуитивно и может быть дополнительным указанием на адекватность трактовки энецкого языка как языка со словоклассифицирующим видом.

3. Энецкий вид и глагольная система

Как было сказано, глаголы энецкого языка разделяются на два класса: перфективные и имперфективные, причем ни один из этих классов не характеризуется каким-либо морфологическим маркером. Так, например, в (1) представлен перфективный глагол *pun-* ‘положить’¹⁰, а в (2) в аналогичной ему форме имперфективный глагол *ser-* ‘жалеть’; в (3) мы видим перфективный глагол *pɔrus-* ‘проткнуть’, а в (4) морфологически ему тождественный имперфективный глагол *kinus-* ‘петь’.

- (1) *kize miʔ puŋ-e-za*
посуда в положить-SOPL-3SG.SOPL
‘Он их положил в чашку’.
- (2) *buʔ anʔi nʔi-za seŋ-e-za*
он(а) и ребенок-NOM.PL.3SG жалеть-SOPL-3SG.SOPL
‘Она тоже жалеет своих детей’.
- (3) *manʔ ŋulʔi ŋo-lʔi uza-da pɔruʔə anʔi*
мол очень один-RESTR рука-OBL.SG.3SG тряхнуть.3SG.S и
‘Она сильно трянула одной рукой’.
- (4) *kinuʔə anʔi, man-ʔ nʔi-uʔ*
петь.3SG.S и сказать-CONN NEG-3SG.S.CONT
‘Он поет, она сказала’.

В примерах (1)—(4) приведены глаголы в морфологически наиболее простой (имеющей, согласно нашему анализу, нулевое маркирование, но для большинства морфологических

¹⁰ Мы последовательно используем в качестве глосс энецких имперфективных и перфективных глаголов, соответственно, русские глаголы несовершенного и совершенного вида. Из этого технического решения, разумеется, не следует, что мы предполагаем тождество дистрибуции перфектива и имперфектива в этих двух языках.

классов образующейся от особой основы¹¹) и наиболее широкоупотребительной форме Аориста (Неопределенного времени). В этой форме различие между перфективными и имперфективными глаголами наиболее очевидно, потому что у этой формы видовой характеристикой глагола обусловлена временная референция: перфективные глаголы в (1) и (3) имеют референцию к прошлому, а имперфективные в (2) и (4) — к настоящему. Сама форма Аориста представляет собой частный случай межъязыковой категории фактагива (см. подробнее [Шлуинский 2012]). Логика выбора временной интерпретации Аориста в зависимости от вида глагола отчасти напоминает логику выбора временной интерпретации формы морфологического настоящего времени в русском языке, которое имеет референцию к настоящему с имперфективными глаголами (как *рублю*) и к будущему с перфективными (как *куплю*). Энецкий Аорист ведет себя зеркальным образом, выбирая для перфективных глаголов, не совместимых с выражением длящейся ситуации в настоящем, прошедшее, а не будущее.

Временная референция обусловлена видом глагола и у некоторых других энецких модально-временных форм, не связанных между собою морфологически: временную референцию к прошлому у перфективных глаголов, как в (5) и (7), и референцию к настоящему у имперфективных глаголов, как в (6) и (8), имеют Суппозитив с показателем *-daraxa-/-taraxa-/-zaraxa-* и Пробабилитив с показателем *-ta-*.

- (5) *ejtu-dʲ to-zaraxa-ʔ kɔz*
свататься-CVB прийти-SUPP-3PL.S возможно
'Кажется, они приехали свататься'.
- (6) *ɛkon entʃeu-ʔ dʲago-zaraxa-ʔ tɔʔ*
здесь человек-PL не_иметься-SUPP-3PL.S сюда
'Здесь вроде бы нет людей'.
- (7) *pɛu-dʲ kan'e-ta-mʔ*
заготавливать_дрова-CVB уйти-PROB-3PL.S.CONT
'Наверное, они ушли за дровами'.
- (8) *entʃeu-ʔ kɔjabi-ta-mʔ*
человек-PL лгать-PROB-3PL.S.CONT
'Может быть, люди врут'.

Форма Перфекта с показателем *-bi-/-pi-* (ее употребление описано подробно в [О. Ханина, Шлуинский 2016]), демонстрирующая широкий круг эвиденциальных и адмиративных употреблений, с имперфективными глаголами может иметь референцию как к прошлому (9), так и к настоящему (10), тогда как с перфективными — только к прошлому (11).

- (9) *tʃike-ru-xon i dʲiri-bi-ʔ*
этот-RESTR-LOC.SG и жить-PRF-3PL.S
'Только этим и живут'.
- (10) *tonin dʲiri-bi seʔo dʲeri*
там.LOC жить-PRF.3SG.S семь день
'Там она жила семь дней'.
- (11) *mɔra dʲabuzaan kunibe-f kan'e-bi-jʔ*
берег вдоль бежать-CVB уйти-PRF-1DU.S/SOSG
'Мы убежали вдоль берега'.

Временная референция прочих модально-временных форм не определяется видом глагола, однако они также сохраняют собственно видовую характеристику, что наиболее

¹¹ В [Гусев 1994; Урманчиева 2006; 2013] представлен другой анализ, согласно которому в форме Аориста выделяется сегментный показатель с непростой морфонологией.

отчетливо может быть показано на примере пар деривационно связанных глаголов с близким лексическим значением. Так, например, предложения (12а—б) иллюстрируют видовой контраст в форме Будущего времени: в (12а) употреблена эта форма перфективного глагола *эста*- ‘накормить’, а в (12б) — производного от него имперфективным глаголом *эста-го*- ‘кормить’. Примеры (13а—б) показывают те же возможности для формы Конъюнктива перфективного глагола *то*- ‘прийти’ и имперфективного глагола *то-го*- ‘приходить’; в (14а—б) приведены имперфективный глагол *даго*- ‘не иметься, отсутствовать’ и производный от него перфективный глагол *даго-у*- ‘исчезнуть’ в форме Хабитуалиса.

- (12) а. *buniki-niʔ tətʃkoz эста-да-зʔ*
собака-PL.1DU потом накормить-FUT-1SG.S
‘Наших собак я потом накормлю’.
- б. *ʃit эста-го-за-зʔ*
ТЫ.ACC накормить-DUR-FUT-1SG.S
‘Я буду тебя кормить’.
- (13) а. *ʃfetaʔ to-ni-d*
завтра прийти-SBJV-2SG.S
‘Пришел бы ты завтра!’
- б. *ʃʃike dʊodi-gon to-го-ni-d*
этот время-LOC.SG прийти-DUR-SBJV-2SG.S
‘Приходил бы ты в это время’.
- (14) а. *эбу-xuru sama даго-уби екон*
что-EVEN зверь отсутствовать-НАВ.3SG.S здесь
‘Никакого зверя здесь не бывает’.
- б. *nenago dʊiri-xon kare to-ʔ kare-zuʔ даго-м-уби*
комар месяц-LOC.SG рыба озеро-PL рыба-NOM.SG.3PL отсутствовать-INC-НАВ.3SG.S
‘В июле (букв. комарином месяце) в рыбных озерах исчезает рыба’.

Перфективные и имперфективные глаголы различаются с точки зрения регулярности образования некоторых нефинитных форм, а именно Причастия одновременности на *-да/-за* и Причастия предшествования на *-дууʃ/-зууʃ*. Причастие одновременности регулярно образуется от имперфективных глаголов, как в примере (15), тогда как примеры с ним от перфективных глаголов, как (16), крайне маргинальны. Напротив, для Причастия предшествования регулярно образование от перфективных глаголов, как в (17), хотя засвидетельствованы и крайне редкие примеры типа (18) с имперфективными глаголами. Такое поведение причастных форм сходно с тем, что наблюдается в русском языке: как известно, с точки зрения нормативной грамматики у русских перфективных глаголов не существует причастных форм «настоящего времени», но, как показано, в частности, в [Кириянов, Шагал 2011], такие формы все же представлены в естественных текстах.

- (15) *ηo-lʊi mε-kon ʃʃike lapka-xan mɔzara-da*
один-RESTR чум-LOC.SG этот магазин-LOC.SG работать-PTCP.SIM
entʃeʔ dʊiri-ʃ
человек жить-3SG.S.PST
‘В одном доме жил этот человек, который работал в магазине’.
- (16) *ʃe-xon, mana, to-za entʃeu*
дыра-LOC.SG сказать.3SG.S прийти-PTCP.SIM человек.OBL
nʃe-eʔ nɔdos
NEG-1PL.S/SOSG слушать.CONN
‘Говорит, мы не слышали человека, который зашел в проем’.

- (17) *bunel'a-da me-zuuj kamoto-ku-da tfukutfi mɔruʔo-za*
 Бунеля-OBL.SG.3SG сделать-PTCP.ANT дом-DIM-OBL.SG.3SG весь сломать-3SG.SOSG
 'Он поломал весь домик, который сделал Бунеля'.

- (18) *ekoz vot to-go-zuuj d'a-xaz*
 этот.ABL вот прийти-DUR-PTCP.ANT земля-ABL.SG
mintferi-g-e-zuʔ toni-ʔ bad-noju
 нести_c_собой-DISC-SOPL-3PL.SONSG туда-DIR недалеко-ADV
 'Вот отсюда с земли, на которую они приезжают, они его увозят туда, подальше'.

Наконец, говоря о взаимодействии энецкого вида с глагольной парадигмой, следует упомянуть о медиальной лично-числовой серии. В области глагольного согласования в энецком языке, как и в ненецких и нганасанском, представлена так называемая «расщепленная непереходность»: большая часть непереходных глаголов употребляется со стандартной (субъектной) серией лично-числовых показателей, а меньшая — с медиальной¹². Медиальная серия имеет ограничение на вид глагола: за некоторыми специальными исключениями¹³, эта серия сочетается только с перфективными глаголами, как в (19), в том числе с перфективными дериватами с показателем Инхоатива *-ru-/-lu-*, как в (20).

- (19) *mod'inaʔ pɕufum-noju kɔd-e-naʔ*
 мы вечер-ADV уснуть-М-1PL.M
 'Мы вечером уснули'.
- (20) *kuraxad pifi-l-e-zʔ ɛɛ-kuji-bʔ*
 даже смеяться-INCH-M-3SG.M мать-POOR-NOM.SG.1SG
 'Даже засмеялась моя покойная мать'.

4. Энецкий вид, аспектуальная деривация и морфологическое соотношение перфективных и имперфективных глаголов

В области аспектуальной деривации обнаруживается существенное отличие энецкой (самодийской) видовой системы от русской (славянской): если в славянских языках большинство непроемных глаголов являются имперфективными, а перфективные глаголы образуются от них при помощи перфективирующих показателей — глагольных приставок с исходным локативным значением (чему, разумеется, не противоречит существование и продуктивных имперфективирующих показателей), то в самодийских языках большинство непроемных глаголов перфективные, а имперфективные глаголы образуются от них с помощью имперфективирующих показателей, наряду с которыми существуют и перфективирующие показатели. При этом энецкие перфективирующие деривационные показатели связаны с фазовыми значениями, а не с локативными; именно несходство деривационных систем является в работе [Siegl 2011] одним из основных аргументов против постулирования в энецком языке категории вида, аналогичной русской. Сама система

¹² Традиционный термин — «возвратное (рефлексивное) спряжение».

¹³ Есть три типа исключений, все из которых засвидетельствованы весьма маргинально. Во-первых, если от перфективных глаголов образуются некоторые имперфективные дериваты, а именно Дуратив и Дисконтинуатив, то эти дериваты, будучи имперфективными глаголами, наследуют употребление медиальной серии от производящих глаголов. Во-вторых, с медиальной серией всегда сочетаются продуктивные дериваты с показателем Пассива *-la-*, в том числе и имперфективные дериваты от имперфективных глаголов, однако фактическое употребление Пассива регулярно с перфективными глаголами и крайне редко с имперфективными. В-третьих, имперфективный глагол *кэма-* 'хотеть' может принимать как субъектную лично-числовую серию, так и медиальную, наследуя этот выбор от зависимого глагола.

аспектуальных деривационных показателей подробно описана в [Сорокина 1975а; 1975б: 62—74; 1990; 2010: 292—308; Siegl 2011; 2013: 266—277], поэтому здесь мы ограничимся в основном их перечислением.

Среди имперфективирующих деривационных показателей продуктивными являются: Дуратив с показателем *-go-/-ko-*, обозначающий длящуюся фазу до достижения предела или имеющий хабитуальную интерпретацию: *pun-* ‘положить’ > *pu-go-* ‘класть’ (21), *feda-* ‘сделать’ > *feda-go-* ‘делать’; Мультипликатив с показателем *-r-* (в Аористе *-ŋa-*), обозначающий многоактное событие: *adu-* ‘сесть’ > *adu-r-* ‘сидеться многократно’ (22); *m̄dis-* ‘увидеть’ > *m̄disu-r-* ‘осматривать’; Дисконтинуатив с показателем *-ga-/-ka-*, обозначающий многократное событие: *bɛɛ-* ‘бросить’ > *bɛɛ-ga-* ‘бросать время от времени’ (23), *dʷzi-* ‘ударить’ > *dʷzi-ga-* ‘ударять время от времени’.

- (21) a. *kize miʔ puŋ-e-za*
посуда в положить-SOPL-3SG.SONSG
‘Он положил их в чашку’.
- b. *mense-r <...> baʔa-da ir*
старуха-NOM.SG.2SG <...> постель-OBL.SG.3SG под
pu-go-e-za tʃike k̄ru-ʔ
положить-DUR-SOPL-3SG.SONSG этот нож-PL
‘Старуха... под постель кладет эти ножи’.
- (22) a. *naree-j ɔdu-duʔ miʔ ad-e-zʔ*
медь-ADJ лодка-OBL.SG.3PL в сесть-M-3PL.M
‘Они сели в свою медную лодку’.
- b. *oom-odʷ adu-ŋa-ʔ tʃike aba-ʔ*
есть-SUP сесть-MULT-3PL.S этот куропатка-PL
‘Эти куропатки садятся кормиться’.
- (23) a. *ɛɛ-da tʃediʔ tɔz bɛɛ-za anʷi*
мать-OBL.SG.3SG гребень так бросить-3SG.SOSG и
‘Она так бросила гребенку матери’.
- b. *kɔdo nʷiz bɛɛ-ga-za*
сани из бросить-DISC-3SG.SOSG
‘Он его то и дело бросает из саней’.

Продуктивными перфективирующими деривационными показателями являются Инхоатив на *-ru-/-lu-*, обозначающий начальную точку процесса или состояния: *pɔʃeri-* ‘кружиться’ > *pɔʃeri-ru-* ‘закружиться’ (24), *kɔta-* ‘хотеть’ > *kɔta-ru-* ‘захотеть’, и Инцептив на *-u-* (в Аористе *-ma-*), обозначающий начальную точку состояния: *ɔzi-* ‘быть видимым’ > *ɔzi-u-* ‘появиться’ (25), *dʷago-* ‘отсутствовать, не существовать’ > *dʷago-u-* ‘исчезнуть, умереть’.

- (24) a. *kasaj-ʔ <...> ɛba-za pɔʃeri*
товарищ-NOM.SG.1SG <...> голова-NOM.SG.3SG кружиться.3SG.S
‘У моего товарища голова кружится’.
- b. *ɛba-jʔ pɔʃeri-ru-e-zʔ*
голова-NOM.SG.1SG кружиться-INCH-M-3SG.M
‘У меня голова закружилась’.
- (25) a. *itu-za ɔzi*
волосы-NOM.SG.3SG быть_видимым.3SG.S
‘Ее волосы видно’.

- b. *mense pɛɛ ʒzi-ma*
 старуха обувь быть_видимым-INC.3SG.S
 ‘Радуга (букв. старухин бокарь) появилась’.

Помимо перечисленных представлены и более редкие показатели аспектуальной деривации, каждый из которых засвидетельствован с несколькими производными глаголами, как имперфективирующие: *usu-* ‘встать чумом’ > *usu-be-* ‘стоять чумом’, *mɔta-* ‘отрезать’ > *mɔta-ru-* ‘резать’, *baze-* ‘вырасти’ > *baze-zu-* ‘расти’, *dʼabu-* ‘догнать’ > *dʼabu-du-* ‘догонять’, так и перфективирующие: *mɔzara-* ‘работать’ > *mɔzara-ka-* ‘начать работать’, *dʼe-* ‘болеть (о части тела)’ > *dʼe-fiuu-* ‘заболеть (о части тела)’.

Следует отметить, что аспектуальные деривации не ограничены в сочетаемости с производящими глагольными основами противоположного вида. Представлены отдельные примеры сочетаний перфективного исходного глагола с Инхоативом (26) и сочетаний имперфективного исходного глагола с Дуративом (27). Для Дисконтинуатива сочетание с имперфективными основами, создающее пары, как в (28), регулярно. Наконец, у Мультипликатива представлена дополнительная функция выражения значения альтернатива (разнонаправленного движения), и в этой функции он сочетается с имперфективными основами (29). Неограниченность деривации противоположным видом, как можно видеть, сравнима и с поведением аспектуальной деривации в русском языке: в принципе, перфективирующие глагольные приставки могут сочетаться и с перфективными исходными глаголами (как в случаях типа *купить* > *накупить*, *дать* > *отдать*), а у имперфективирующих суффиксов есть архаичное употребление с имперфективными исходными глаголами в многократном значении (как в случаях типа *жить* > *жизвать*).

- (26) *bi-ta kasu-r-e-zʔ*
 вода-NOM.SG.3SG высохнуть-INCH-M-3SG.M
 ‘Вода высохла (букв. стала высыхать)’.
- (27) *kafi-z anʼi mɔsara-goc-ʔ*
 мужчина-NOM.PL.2SG и работать-DUR-3PL.S
 ‘Твои товарищи тоже работают?’
- (28) a. *oka pɔ malʼe ɛkon tezaʔ dʼirie-zʔ*
 много год уже здесь сейчас жить-1SG.S
 ‘Я уже много лет здесь живу’.
- b. *baka-xan dʼiri-ga-zʔ*
 Прилуки-LOC.SG жить-DISC-1SG.S
 ‘Я иногда живу на Прилуках’.
- (29) a. *buʔ anʼi pɔɔne-naʔ neba*
 он(а) и за-OBL.SG.1PL бежать.3SG.S
 ‘А она бежит за нами’.
- b. *kezer kɔra nebi-ŋa*
 дикий_олень.OBL бык бежать-MULT.3SG.S
 ‘Дикий хор (букв. бык дикого оленя) бегаёт’.

Помимо образования глаголов одного вида от глаголов другого при помощи синхронно выделяемых показателей аспектуальной деривации, у отдельных пар глаголов представлены также и другие способы морфологического соотношения глаголов различного вида.

Во-первых, в ряде случаев глаголы несомненно являются однокоренными, но их морфологическая связь нерегулярна с синхронной точки зрения. Особый случай составляют рефлексy стативной деривации на *-w- (см. о ней [Гусев 2010]), как, например, *kɔda-* ‘уснуть’ > *kɔdʼi-* ‘спать’ (30), *banu-* ‘лечь (о животном)’ (с медиальной серией,

с /d/-алломорфами¹⁴) *> *banu-* ‘лежать (о животном)’ (с субъектной серией, с /z/-алломорфами), но представлены и другие нерегулярные пары, как, например, *m̄adis* ‘увидеть’ ~ *m̄adee* ‘видеть’ (31), *biixu-* ‘вспомнить’ ~ *biis-* ‘помнить’, *bunaru-* ‘потянуть’ ~ *bunir-* ‘натягивать’, *kamiza-* ‘понять’ ~ *kamiku-* ‘понимать’, *kaus-* ‘упасть’ ~ *kaur-* ‘падать’, *majza-* ‘замучить’ ~ *majku-* ‘мучить’, *n̄odo-* ‘услышать’ ~ *n̄odos-* ‘слышать’, *ɔ-* ‘съесть’ ~ *oor-* ‘есть’.

- (30) a. *fuzebe-r* *k̄ad-e-z?*
 великан-NOM.SG.2SG уснуть-M-3SG.M
 ‘Великанша уснула’.
- b. *teza?* *oor-o-xaz-da* *fuzebe-r* *k̄adii*
 сейчас есть-NMLZ-ABL.SG-OBL.SG.3SG великан-NOM.SG.2SG спать.3SG.S
 ‘Сейчас, поев, великанша спит’.
- (31) a. *t̄fike* *n̄e-r* *bu?* *fita* *m̄adi?e*
 этот женщина-NOM.SG.2SG он(а) он(а).ACC увидеть.3SG.S
 ‘Эта женщина тоже его увидела’.
- b. *teza?* *fizna?* *m̄adee*
 сейчас мы.ACC видеть.3SG.S
 ‘Сейчас она нас видит’.

Во-вторых, представлены отдельные пары глаголов, различающиеся видом и имеющие одинаковую основу, но присоединяющие разные серии лично-числовых показателей, так что имперфективный глагол употребляется с субъектной серией, а перфективный — с медиальной, как, например, *d̄iaru-* ‘плакать’ (с субъектной серией) ~ *d̄iaru-* ‘заплакать’ (с медиальной серией) (32), *n̄e-* ‘быть открытым’ (с субъектной серией) ~ *n̄e-* ‘открыться’ (с медиальной серией), *d̄iri-* ‘жить’ (с субъектной серией) ~ *d̄iri-* ‘ожить’ (с медиальной серией)¹⁵.

- (32) a. *n̄e-kutfa* *d̄iara,* *d̄iara*
 ребенок-DIM плакать.3SG.S плакать.3SG.S
 ‘Ребеночек плачет, плачет’.
- b. *pe-d* *ɔzi-ma-z?*, *ni,* *d̄iar-e-j?*
 улица-DAT.SG быть_видимым-INC-1SG.S ну заплакать-M-1SG.M
 ‘Я вышла на улицу, ну, заплакала’.

Наконец, представлен и маргинальный аналог русским так называемым двувидовым глаголам, то есть формально совпадающие перфективный и имперфективный глаголы, которые, однако, в конкретном употреблении получают в соответствующем контексте определенную видовую характеристику. Таковы глаголы *bazis-* ‘рассказывать’/‘рассказать’ и *mujs-* ‘мастерить’/‘смастерить’; примеры (33а) и (34а) показывают их употребление как имперфективных глаголов, а (33b) и (34b) — как перфективных.

¹⁴ Представлен целый ряд глагольных аффиксов, в которых основной алломорф начинается на /d/, тогда как у части глаголов лексически обусловлен алломорф на /z/: это форма Будущего времени *-da/-za-*, Суппозитив *-daraxa/-zaraxa*, Причастие одновременности *-da/-za*, Причастие предшествования *-duuj/-zuuj*.

¹⁵ В [Татевосов 2016] показано, что в ненецком языке такие соотношения намного более регулярны и продуктивны; в этой работе принята трактовка совпадающих основ, от которых образуются как формы субъектной, так и медиальной серии, как единой глагольной лексемы, что, в свою очередь, создает затруднения для анализа ненецкого вида как словоклассифицирующей категории. В энецком языке, однако, мы имеем дело только с непродуктивным набором таких пар, а потому естественна их трактовка как разных глагольных лексем с омонимичными основами.

- (33) a. *kɔku* *bii-t-e-n*, *bazis* *n'ie-zu?*
 сколько помнить-FUT-SOPL-1SG.SONSG рассказать.CONN NEG-1SG.S.CONT
 ‘Сколько помню, я же рассказываю’.
- b. *nɔn?* *bazis* *n'ie-zau?*
 я.DAT рассказать.CONN NEG-3SG.SOSG.CONT
 ‘Он ведь мне это рассказал’.
- (34) a. *tʃike* *entʃeu-?* *baza-xin-tu?* *kɔdo-zi-zu?* *mujʃe-?*
 этот человек-PL слово-LOC.PL-OBL.PL.3PL сани-DEST.PL-NOM.PL.3PL мастерить-3PL.S
 ‘Эти люди, мол, делают себе сани’.
- b. *kɔdo* *mujʃe*
 сани мастерить.3SG.S
 ‘Он сделал сани’.

Как показано выше, морфологически связанные энецкие глаголы противоположных видов могут иметь различное соотношение значений с точки зрения выражаемых фаз ситуации. В настоящей работе мы не ставим перед собой задачу описания энецкой акциональности, но необходимо отметить следующий существенный системный факт, отличающий энецкую видовую систему как от русской, так и от многих типичных словоизменительных аспектуальных систем. Ни исходные, ни производные перфективные энецкие глаголы не способны описывать длящуюся фазу ситуации — таким образом, в энецком языке применение перфективного аспектуального ракурса возможно только к точечной фазе. Иными словами, если сравнивать энецкую аспектуальную систему с русской, то в энецкой системе отсутствуют аналоги славянских перфективных способов действия типа делимитативного или пердуративного. Это позволяет сказать, что в энецком языке обнаруживается полное совпадение предельности и перфективности и неопределенности и имперфективности соответственно¹⁶.

5. Базовые употребления энецких перфективных и имперфективных глаголов

Самые базовые употребления перфективных vs. имперфективных глаголов в энецком языке укладываются в рамки типологических ожиданий относительно категории собственно вида в целом, вне зависимости от способа его выражения.

Перфективные глаголы описывают предшествующие точке отсчета законченные ситуации, достигшие своей кульминационной точки, будь то начало процесса или состояния (35) или достижение процессом своего естественного предела (36).

- (35) *leuru-bi-za*, *nad'k-ɔu*, *texɛ* *n'ie-r*
 закричать-PRF-3SG.SOSG Надька-EXCL вон ребенок-NOM.SG.2SG
entʃeu-? *pɔɔn* *nɛbu-r-e-ʒ?*
 человек-PL за бежать-INCH-M-3SG.M
 ‘Она крикнула: «Надька, вон твой ребенок побежал за людьми!»’

¹⁶ Этот факт верен также для ненецкого [Иосад и др. 2005] и селькупского [Казакевич 2008] языков, но не может быть экстраполирован на самодийские аспектуальные системы в целом, так как в гна-насанском языке представлен показатель аспектуальной деривации, имеющий делимитативное значение [Гусев 2012: 329]. В работе [Казакевич 2008] на селькупском материале, с этой точки зрения аналогичном энецкому, делается утверждение о том, что понятие «категории вида» применительно к его аспектуальной системе излишнее — достаточно говорить о семантических акциональных категориях предельности и неопределенности. Как нам кажется, это прежде всего терминологический вопрос.

- (36) *vət, ɛba-da mɔta-zʔ*
 вот голова-OBL.SG.3SG отрезать-1SG.S
 ‘Вот, я отрезала ее голову’ {говорящий комментирует разделку рыбы}.

Имперфективные глаголы описывают длящиеся ситуации, синхронные точке отсчета, в частности моменту речи. Примеры (37)—(38) показывают употребление имперфективных глаголов, описывающих предельный и неопредельный процессы, одновременные с моментом речи, а (39) — синхронное точке отсчета длительное состояние.

- (37) *lizi-za kaʔara-goo-zʔ tezaʔ*
 кость-NOM.PL.3SG снять-DUR-1SG.S сейчас
 ‘Сейчас я снимаю ее кости’ {говорящий комментирует разделку рыбы}.

- (38) *kasa-r ɔbu pən'iŋaʔ*
 товарищ-NOM.SG.2SG что делать.3SG.S
 {Реплика из диалога:} ‘Что {сейчас} делает твой товарищ?’

- (39) *nɛ n'e-jʔ ɛkon ɖiri tʃi*
 женщина ребенок-NOM.SG.1SG здесь жить.3SG.S вот
 ‘Дочь моя живет вот здесь’ {говорящий показывает на дом своей дочери}.

В частности, в нарративе перфективные глаголы используются для выражения основной линии повествования (40), а имперфективные — для фоновых предикаций (41), в том числе и в тех случаях, когда фоновый характер предикации не связан с «объемлющей» все повествование длительностью ситуации, а определяется просто тем, что выражается фоновая информация, как в (42); для энецких имперфективных глаголов в функции фоновых употреблений в нарративе характерна форма Аориста, в нейтральном контексте имеющая с ними референцию к настоящему, как в (43).

- (40) *kɔd'i-za-xa-naʔ ʃize entʃe-giʔ tɔɔ-xiʔ*
 спать-PTCP.SIM-DAT.SG-OBL.SG.1PL два человек-DU прийти-3DU.S
 ‘Пока мы спали, пришли два человека’.

- (41) *te-xin mɔzara-buʔuj-niʔ ti-naʔ oka-an kadɛŋa-tʃ*
 олень-LOC.PL работать-CVB.SIM-OBL.SG.1SG олень-NOM.PL.1PL болеть-3PL.S.PST много-PROL.SG
 ‘Когда я работал в оленеводстве, наши олени много болели’.

- (42) *modʔ an'i pɔtse-ɪf kaji-zutʃ an'i, uzi-niʔ kɔlta-goo-zutʃ*
 я и последний-TRANSL остаться-1SG.S.PST и рука-PL.1SG мыть-DUR-1SG.S.PST
 ‘А я остался последним: я руки мыл’ {основная линия: говорящий остался последним; фоновая информация: в связи с тем, что говорящий мыл руки}.

- (43) *ŋɔbʔkutun mesie-ʔ tʃike entʃeu-ʔ*
 однажды кочевать-3PL.S этот человек-PL
 ‘Ну, однажды эти люди аргишили (букв. аргишат)’.

Помимо эпизодической интерпретации, при которой выражается единичная длящаяся ситуация, имперфективные глаголы могут также иметь habituальную интерпретацию (44). В этой интерпретации имперфективные глаголы в нейтральных с точки зрения habituальности формах конкурируют со специализированным словоизменительным маркером habituалиса, сочетающимся с глаголами того и другого вида, как было показано выше в примерах (12a—b).

- (44) *kazdij d'eri nɔʔɔjra-ʔ ni-mʔ tʃezi-gon*
 каждый день ловить-CONN NEG-3PL.S.CONT майт-LOC.SG
 ‘Каждый день они ведь ловят [олений] майтом’.

6. Употребление энецких имперфективных глаголов в сопоставлении с русскими

Энецкие имперфективные глаголы во многом повторяют дистрибуцию русского несовершенного вида, но в одних случаях дистрибуция более узкая, а в других более широкая. Ниже мы рассмотрим соответствия и несоответствия употребления энецкого имперфектива контекстам, в которых можно ожидать употребление русского несовершенного вида.

Как и русские глаголы несовершенного вида, энецкие имперфективные глаголы употребляются в контексте обстоятельств неограниченной (45) или ограниченной (46)—(47) длительности. В [Dahl 1985: 76—77] такие употребления имперфектива рассматриваются как характерные для славянских (или же «славянского типа») видовых систем и не ожидаются от типологически более стандартных словоизменительных имперфективных граммем.

(45) *ɔbu-xoa katʃe? ɛ-sa-u?, kudaxaa kadeŋa-zuʃ*
 что-ТОР болезнь быть-Q-3SG.S.CONT долго болеть-1SG.S.PST
 ‘Какая-то болезнь, наверное, была, долго я болела’.

(46) *ʃize d'eri kasu-go-za*
 два день высохнуть-DUR-FUT.3SG.S
 ‘Два дня он будет сохнуть’.

(47) *d'iri nənena? d'iri-sa-u?*
 месяц мы.LOC жить-Q-3SG.S.CONT
 ‘Месяц он с нами, наверное, жил’.

Как и русские глаголы несовершенного вида, энецкие имперфективные глаголы могут иметь так называемое «общефактическое значение», то есть выражать законченную ситуацию в прошлом, в особенности в тех случаях, когда эта ситуация — состояние или непределительный процесс и не имеет естественной завершающей точки. Как показано в [Dahl 1985: 75—77], и такие контексты представляют собой нетривиальную особенность славянского имперфектива, будучи в целом нехарактерны для имперфективных граммем. Так, в (48) приведена вопросно-ответная пара, в обеих репликах которой использованы имперфективные глаголы, выражающие законченные деятельности; в (49)—(50) выраженные имперфективными глаголами процессы ограничены обстоятельством времени ‘вчера’, а в (51) представлен имперфективный глагол устойчивого состояния, ограниченного сроком жизни аргумента.

(48) — *ɛke d'eri-xon ɔbu pən'i-d'a-d?*
 этот день-LOC.SG что делать-Q-2SG.S
 — *mɔzara-zuʃ*
 работать-1SG.S.PST
 ‘Что ты сегодня делала? — Работала’.

(49) *tʃe-noju tʃi-ŋa-baʃ, ʃizza? n'e-etʃ ko-ʔ*
 вчера-ADV лететь-MULT-1PL.S/SOSG.PST вы.ACC NEG-1SG.S/SOSG.PST найти-CONN
 ‘Мы вчера летали [на вертолете], вас не нашли’.

(50) *ɔzi-za ɔdu-ʃ? ɛu? tɔza-xu-ʃ?*
 быть_видимым-PTCP.SIM лодка-NOM.SG.1SG сюда принести-NORT-1DU.S
ʃee-xoo pən'i-bi-za tʃe-noju
 кто-ТОР делать-PRF-3SG.SOSG вчера-ADV
 ‘Давай принесем сюда мою лодку, которую ты видишь, кто-то, очевидно, ею пользовался вчера’.

(51) *bu mɔzaʔa-da sɔʒa-an kɔmita-zaf*
 он работа-OBL.SG.3SG хороший-PROL.SG любить-3SG.SOSG.PST
 ‘Он очень любил свою работу’.

Помимо не отягощенных дополнительными семантическими оттенками употреблений в значении завершенной ситуации, энецкие имперфективные глаголы употребляются и в экспериенциальных контекстах, сообщающих сам факт (опыт) участия аргумента в соответствующей ситуации (в терминах [Падучева 1996: 43—46; 1998] — общефактическое экзистенциальное). Так, в (52) представлено употребление имперфективного глагола с указанием на факт осуществления ситуации в течение жизни человека, а в (53) — на факт ее осуществления в рамках релевантного периода времени (в данном случае сезона). Прямые соответствия так называемому «общефактическому двунаправленному» [Гловинская 1982: 122—124; Падучева 1998], то есть использование для завершенной ситуации с уже аннулированным результатом имперфективного глагола, отличающегося от соответствующего перфективного только видовым значением, как в примере (54), представлены в энецком материале крайне маргинально; однако вполне характерно употребление в аналогичных контекстах других имперфективных глаголов. Так, в примере (55), денотативно соответствующем отмененной ситуации ‘прийти’, где в русском языке (как и в русском переводе) требуется глагол *приходить*, употребляется имперфективный глагол *d'azur-* ‘ходить’.

(52) *mod'-xoo kuna-xoo oona-zutf torse oza*
я-ТОР когда-ТОР есть-1SG.S.PST такой мясо
‘Я-то когда-то ел такое мясо’.

(53) *badu-? nie-zutf d'azu-r-?*
тундра-DIR NEG-1SG.S.PST идти-MULT-CONN
‘В тундру я не ходил’.

(54) *kuna-xoo val'a eke eu? meziza-f nod to-go-sa?*
когда-ТОР Валя этот сюда гостить-CVВ ты.ДАТ прийти-DUR-Q.3SG.S
‘Когда-нибудь Валя к тебе в гости сюда приезжала?’

(55) *bud'i? kod'i-za-xa-d'i? d'azu-bi*
они_(двое) спать-PTCP.SIM-DAT.SG-OBL.SG.3DU идти.MULT-PRF.3SG.S
‘Пока они спали, он приходил (букв. ходил)’ {речь идет о том, что герои нарратива пытались подкараулить медведя, разорвавшего их вещи, но заснули}.

В то же время между употреблениями русских и энецких имперфективных глаголов для выражения завершенной ситуации не обнаруживается полного параллелизма. С одной стороны, следует отметить, что русским глаголам несовершенного вида в «общефактическом значении» могут соответствовать и энецкие перфективные глаголы (см. раздел 7). С другой стороны, возможность выражать завершенную ситуацию у имперфективных глаголов в энецком языке шире, чем в русском: как было сказано, в энецком языке невозможен перфективный аспектуальный ракурс для длящихся фаз ситуаций, в связи с чем в тех контекстах, в которых в русском языке регулярно употребление делимитативных глаголов, в энецком языке регулярно употребляются имперфективные глаголы. Пример (56) иллюстрирует такое употребление имперфективных глаголов в нарративе, а (57) — в модальном контексте.

(56) *kiuz-noju n'e-? ner-e-z?, oona-?*
утро-ADV ребенок-PL встать-М-3PL.M есть-3SG.S
‘Утром дети встали, поели (букв. едят)’.

(57) *otuz-noju n'e-d masara-d*
осень-ADV NEG-2SG.S работать-FUT.CONN
‘Осенью не поработаешь (букв. не будешь работать)’.

Как и русские глаголы несовершенного вида, энецкие имперфективные глаголы могут иметь капацитивное значение — значение способности как генерализации повторяющейся

ситуации (в терминах [Падучева 1996; 1998], «потенциальное» значение несовершенного вида), как в (58)—(59).

- (58) *kasa-jʔ* *ani* *ɔnej* *baza-an* *dʔrija*
товарищ-НОМ.СГ.1СГ и настоящий слово-ПРОЛ.СГ разговаривать.3СГ.С
‘Мой товарищ тоже говорит на энецком языке’.
- (59) *kere-ta* *poguŋa-f*
сам-ОБЛ.СГ.3СГ рыбачить-3СГ.С.ПСТ
‘Она сама рыбачила’.

Как и в русском языке, с фазовыми глаголами в энецком языке сочетаются имперфективные глаголы, что можно видеть в примерах (60)—(62), где с различными глаголами, выражающими фазовые значения, сочетаются имперфективные инфинитивы, в случае необходимости — с имперфективирующими показателями аспектуальной деривации, как в (62). В то же время, в отличие от русского языка, в энецком употребление имперфектива с фазовым глаголом является не жестким правилом, а строгой тенденцией — так, в энецких текстах засвидетельствовано несколько примеров, где наиболее употребительный фазовый глагол *pɛ-* ‘начать’ сочетается с перфективными фазовыми глаголами, как в (63).

- (60) *pogu-dʔ* *dʔsie-d*
рыбачить-СВВ закончить-2СГ.С
‘Ты уже закончил рыбачить’.
- (61) *modʔ* *ani* *buniki-jʔ* *mazu-dʔ* *ŋaar-e-zʔ*
я и собака-НОМ.СГ.1СГ лаять-СВВ перестать-М-3СГ.М
‘А собака моя перестала лаять’.
- (62) *toni-ʔ* *tɔda-go-f* *tɔz* *pɛɛ-b* *ani*
туда-DIR залезть-DUR-СВВ как начать-1СГ.СОСГ и
‘Как я начал туда подниматься’.
- (63) *pɔguru-f* *pɛ-d* *nʔe-buʔ*
сплести-СВВ начать-FUT.CONN NEG-1СГ.СОСГ.CONT
‘Я начну плести (букв. сплести)’.

7. Употребление энецких перфективных глаголов в сопоставлении с русскими

Совпадая с русскими перфективными глаголами в том, что касается базовых употреблений, энецкие перфективные глаголы имеют заметно более широкую дистрибуцию.

Как и русские глаголы совершенного вида, энецкие перфективные глаголы сочетаются с обстоятельством кратности¹⁷, как в (64).

- (64) *tɔmini-nʔ* *tɔri* *ʃize* *raz* *tɔri* *nɔbuza-a*
так_и-ОБЛ.СГ.1СГ так два раз так отпустить-1СГ.СОСГ
‘Так я ее упустил два раза’.

Как и русские глаголы совершенного вида, энецкие перфективные глаголы сочетаются с обстоятельством срока (65), хотя следует отметить, что формально такие обстоятельства не отличаются от обстоятельств длительности, ср. приводившиеся выше примеры (46)—(47).

¹⁷ Следует отметить, что это редкий контекст в энецких текстах, а само слово *raz* ‘раз’, образующее такие обстоятельства, заимствовано из русского языка.

- (65) *nexu?* *d'eri kasu-da,* *nexu?* *d'eri*
 три день высохнуть-FUT.3SG.S три день
 ‘За три дня высохнет, за три дня’.

Энецкие перфективные глаголы чаще, чем русские глаголы совершенного вида, употребляются в контекстах, где сообщается о факте единичной законченной предельной ситуации, — иными словами, в ряде случаев на месте русского несовершенного вида в «общефактическом значении» в энецком языке употребляется перфектив. С одной стороны, наряду с имперфективными глаголами, как в (52)—(53), в энецком языке в экспериенциальном значении могут употребляться и перфективные, как в (66)—(67). Таким образом, по-видимому, зона экспериенциальных контекстов в энецком языке поделена между имперфективными и перфективными глаголами в зависимости от глагола, однако этот вопрос требует отдельного исследования.

- (66) *mod* *an'i tərse mutfi?* *nədo-f* *nədo-?* *i-si-bu?* *an'i*
 и такой обычай услышать-CVВ услышать-CONN NEG-Q-1SG.SOSG.CONT и
 ‘А я этот обычай слышать-то слышал (букв. услышать-то слышал ведь)’.

- (67) *mədi?ε-buf* *tfike fe*
 увидеть-1SG.SOSG этот дыра
 ‘Я видел (букв. увидел) эту дырку {в дырвом камне}’.

С другой стороны, наряду с показанным в примерах (54)—(55) употреблением энецких имперфективных глаголов в контекстах русского несовершенного вида в «общефактическом двунаправленном» значении, энецкий язык располагает иной стратегией для выражения завершенной ситуации в прошлом, результат которой не сохраняет актуальность: для выражения самого аспектуального значения завершенной ситуации в прошлом используется перфективный глагол, а для выражения семантического компонента аннулированного результата — форма Прошедшего времени, значение которой состоит не только в выражении временной референции к прошлому, но и в снятии актуальности ситуации в точке отсчета (см. подробнее о самодийском Прошедшем времени [Урманчиева 2005; 2006; 2016; Плунгян, Урманчиева 2015]). Так, в примере (68), где речь идет о единичном неактуальном завершенном действии в прошлом, употреблен перфективный глагол *kolta-* ‘вымыть, выстирать’, тогда как в его русском переводе использован глагол несовершенного вида *стирать* (и замена его на совершенный вид — употребление формы *выстирала* — дает неадекватный контексту перевод, так как подразумевает сохранение результата ‘платье выстирано’); аналогично в (69) перфективному глаголу *to-* ‘прийти’ в форме Прошедшего времени соответствует русский глагол несовершенного вида *приходить*.

- (68) *mod* *εke palat'a-je-j?* *sedee kere-ni?* *kolta-af*
 я этот платье-PEJ-NOM.SG.1SG прошлый сам-OBL.SG.1SG вымыть-1SG.SOSG.PST
 ‘Я это платье давно сама стирала (букв. выстирала (было)). {А сейчас оно опять испачкалось}’.

- (69) *bəgulia εu?* *to-?*
 медведь сюда прийти-3SG.S.PST
 ‘Медведь сюда приходил (букв. пришел (было)). {А потом ушел, после того как в его сторону выстрелили}’.

Наряду с более широким, чем в русском языке, употреблением перфективных глаголов для выражения завершенных ситуаций в прошлом, энецкие перфективные глаголы также систематически употребляются на месте русских глаголов несовершенного вида в контекстах, во многом подразумевающих нейтрализацию аспектуального контраста, а именно при модальных глаголах (70)—(71) и в императиве (72)—(73). В то же время энецкий

язык располагает и возможностью употребления в таких контекстах имперфективных глаголов в тех случаях, когда в коммуникативное намерение говорящего входит подчеркивание именно внутреннего ракурса длящейся фазы ситуации; (74) показывает употребление имперфектива с модальным глаголом, а (75a—b) — контраст перфективного и имперфективного глагола в императиве.

(70) *te-ʔ pɔɔn an'i kan'je-f n'i-uʔ tara-ʔ*
олень-PL за и уйти-CVB NEG-3SG.S.CONT быть_нужным-CONN

‘За оленями опять ведь надо идти (букв. уйти)’.

(71) *pizi me-f d'oxara-ʔ n'i-uʔ*
гнездо сделать-CVB не_знать-CONN NEG-3SG.S.CONT

‘Она же не умеет делать (букв. сделать) гнездо’.

(72) *ese-kuji-bʔ man-ʔ n'i-uʔ,*
отец-POOR-NOM.SG.1SG сказать-CONN NEG-3SG.S.CONT

kɔda-zʔ, kɔda-zʔ taxa-ʔ
уснуть-2SG.M.IMP уснуть-2SG.M.IMP там-DIR

‘Мой отец сказал: «Спи, спи (букв. усни, усни) там!»’

(73) *d'a sama-ʔ, toɔ-raʔ, toɔ-raʔ*
земля зверь-PL прийти-2PL.S/SOSG прийти-2PL.S/SOSG

‘Звери земли, идите сюда, идите сюда (букв. придите, придите)!’

(74) *ɔsa feda-go-f tara*
мясо сделать-DUR-CVB быть_нужным.3SG.S

‘Надо разделявать мясо’.

(75) a. *adu-zʔ kodo-d n'iʔ*
сесть-2SG.M.IMP сани-OBL.SG.2SG на

‘Садись (букв. сядь) на сани!’

b. *pe-xon ad'i-ʔ, i-z tʃu-ʔ me-t*
улица-LOC.SG сидеть-2SG.S.IMP NEG-2SG.IMP войти-CONN чум-DAT.SG

‘Сиди на улице, не входи в чум!’

Как и русские глаголы совершенного вида, энецкие перфективные глаголы в форме Будущего времени употребляются в потенциальном значении с генерализованным аргументом (76)—(77), а также для выражения многократной ситуации («наглядно-примерное значение»); при этом возможность таких употреблений у энецкого перфектива шире, чем у русского: так, если (78) с генерализованным аргументом представляет собой характерный контекст русского «наглядного-примерного значения», то (79) с конкретно-референтным аргументом, где также использован энецкий перфективный глагол для выражения повторяющейся ситуации, в русском переводе требует несовершенного вида. Наконец, энецкие перфективные глаголы в форме Будущего времени маргинально употребляются и для обозначения единичной длящейся ситуации в настоящем (80). Употребления типа (80), несомненно, объясняются не собственно видовой семантикой энецкого перфектива, а тем, что энецкий показатель Будущего времени *-da-/-za-/-ta-* диакронически происходит из показателя имперфективирующей деривации (см. подробнее [Урманчиева 2006])¹⁸; вопрос о том, насколько многократные и потенциальные употребления Будущего времени перфективных

¹⁸ Этот показатель сохраняет характерную формальную черту деривационных показателей, отличающую их от словоизменительных. Как известно, в уральских языках основная отрицательная конструкция состоит из вспомогательного отрицательного глагола, берущего на себя все глагольное словоизменение, и специализированной формы лексического глагола — коннегativa; однако энецкий показатель Будущего времени в отрицательной конструкции присоединяется именно к основе

глаголов связаны с видом глагола или с особенностями показателя времени, мы в настоящее время оставляем открытым.

- (76) *bun'i to-z?, kere-ta ni to-z?*
 NEG.EMPH.3SG.S прийти-FUT.CONN сам-OBL.SG.3SG NEG.3SG.S прийти-FUT.CONN
 ‘Он {далеко ушедший олень} не придет, сам не придет’.
- (77) *teza? sabie tuzuku n'e-d ko-d*
 сейчас особенно гриб NEG-2SG.S найти-FUT.CONN
 ‘Сейчас особенно грибов не найдешь’.
- (78) *pizi-d keu-d neru-d-e-di, baxa-la-da-r*
 гнездо-OBL.SG.2SG сторона-DAT.SG встать-FUT-M-2SG.M заговорить-CAUS-FUT-2SG.SOSG
 ‘Встанешь возле гнезда, заговоришь с ним’.
- (79) *t'fike nezi-ku-r an'i toni-? keu-d an'i kanu-ta*
 этот теленок-DIM-NOM.SG.2SG и туда-DIR сторона-DAT.SG и уйти-FUT.3SG.S
 ‘А этот теленок {все время} обратно уходит (букв. уйдет)’.
- (80) *naza ŋul'i nizu-ta-za*
 мох очень порвать-FUT-3SG.SOSG
 ‘Он всю ягель рвет’.

В отличие от русского языка, в энецком отсутствует ограничение на употребление перфективных глаголов (в стандартном значении) в императиве при отрицании, за счет чего в прохибитивных контекстах систематически возникает соответствие энецкого перфектива русскому несовершенному виду, как в (81a) и (82a). Энецкий императив при отрицании, таким образом, наряду с другими контекстами, различает перфективный, как в (81a) и (82a), и имперфективный, как в (81b) и (82b), аспектуальный ракурс.

- (81) a. *t'fike nezi-ku-r fee-xuru-d i-z mis*
 этот теленок-DIM-NOM.SG.2SG кто-EVEN-DAT.SG NEG-2SG.IMP дать.CONN
 ‘Этого теленка никому не отдавай (букв. не отдай)’.
- b. *kasa-xa-d i-z mi-ko-?*
 товарищ-DAT.SG-OBL.SG.2SG NEG-2SG.IMP дать-DUR-CONN
 ‘Не давай его своей сестре!’
- (82) a. *fi? i-z ə-?*
 я.ACC NEG-2SG.IMP съесть-CONN
 ‘Меня не ешь (букв. не съешь)!’
- b. *oo-da əburu i-z oor-?, t'fike an'i i-z oor-?*
 есть-PTCP.SIM вещь NEG-2SG.IMP есть-CONN этот и NEG-2SG.IMP есть-CONN
 ‘Еду не ешь, и это тоже не ешь!’

Есть два специфических контекста, в которых в энецком языке употребляются только перфективные глаголы. Во-первых, это конструкции с отрицательным глаголом *kitfe-* ‘чуть не’ (83). Во-вторых, это позиция зависимого предиката матричного глагола *lɔzɔs-* ‘не смочь’ (84).

- (83) *buniki-j? <...> kitfe-za nɔ?ə-?*
 собака-NOM.SG.1SG <...> чуть_не-3SG.SOSG схватить-CONN
 ‘Моя собака чуть его не поймала’.

лексического глагола, тогда как отрицательный глагол при сочетании с коннегативом Будущего времени употребляется в форме Аориста.

- (84) *kəru-xon msta-f ləziʔe-ziʔ taxa-da*
 нож-LOC.SG отрезать-CVB не_смочь-3DU.SOSG спина-OBL.SG.3SG
 ‘Ножом они не смогли отрезать ее спину’.

8. Энецкий вид и аспектуальная композиция

Проблематика аспектуальной композиции, отрефлексируемая в работах М. Крипки [Krička 1992; 1998], связана с тем, как кумулятивность vs. квантованность¹⁹ аргумента влияет на предельность предикации. В английском языке, как и во многих других, если один из аргументов глагола является «инкрементальным» (наиболее употребительный термин из [Dowty 1991]; в [Падучева 2004] предложен русскоязычный термин «накопитель»), то квантованность этого аргумента ведет к предельности предикации, как в английских предложениях *He wrote a letter* ‘Он написал письмо’ и *He wrote the letters* ‘Он написал письма {известное конечное множество писем}’, тогда как кумулятивность этого аргумента — к неопределенности, как в английском предложении *He wrote letters* ‘Он пописал письма {неопределенное множество писем}’; существенно, что в обоих случаях мы имеем дело с одной и той же — перфективной — глагольной формой *wrote* ‘написал, пописал’. В [Dahl 1985: 75] было отмечено, что в славянских языках с их особым типом видовой системы мы наблюдаем иную картину: при сочетании перфектива с потенциально кумулятивным инкрементальным аргументом, как в русском предложении *Он написал письма*, предельность предикации сохраняется (ср. неграмматичность **Он написал письма два часа*), но инкрементальный аргумент в принудительном порядке интерпретируется как квантованный — в отличие от предложения *Он писал письма*, в предложении *Он написал письма* именная группа *письма* значит только ‘известное конечное множество писем’ (аналогично англ. *the letters*), но не ‘неопределенное множество писем’. Иными словами, если в английском языке за предельность глагола с инкрементальным аргументом отвечает этот аргумент, то в русском языке — сам глагол. Особенности русской и, шире, славянской аспектуальной композиции подробно исследованы в работах Х. Филип [Filip 1999; 2005] и Е. В. Падучевой [Paducheva 2009], а в [Татевосов 2009; 2015: 146] показано, что аналог славянской аспектуальной композиции может быть обнаружен и в языках других семей и ареалов.

Энецкая аспектуальная композиция повторяет русскую: предельность предикации однозначно задана глаголом и не зависит от свойств инкрементального аргумента. Более того, если в русском языке необходимо обращаться к лексически заданной предельности глагола, в общем случае не предопределяемой его аспектуальной характеристикой (предикация с *написать* всегда будет предельной, а с *пописать* — неопредельной, притом что оба глагола являются перфективными), то в энецком языке, где, как было сказано, перфективный ракурс невозможен применительно к длящейся фазе ситуации, можно говорить об аспектуальной композиции непосредственно перфективных vs. имперфективных глаголов.

Энецкие имперфективные глаголы всегда неопредельны; если сочетание энецкого имперфективного глагола с лексически кумулятивным инкрементальным аргументом (85a) не приводит ни к каким семантическим эффектам, то сочетание имперфективного глагола с лексически квантованным инкрементальным аргументом (85b) приводит к его реинтерпретации как кумулятивного и тем самым позволяющего неполное вовлечение в ситуацию. Энецкие перфективные глаголы всегда предельны; если сочетание перфективного глагола

¹⁹ Кумулятивность и квантованность определяются через (не)выполнение аддитивности: для кумулятивного объекта или предиката (в логике и формальной семантике в обоих случаях речь идет о предикате — именном или глагольном) верно, что любая его часть будет тем же объектом (например, любая часть *воды* является *водой*), тогда как для квантованного предиката это неверно (например, любая часть *яблока* не является *яблоком*). Более детальное и формализованное обсуждение этих понятий можно найти в [Krička 1992; 1998; Filip 2005; Татевосов 2015: 126—131].

с лексически квантованным инкрементальным аргументом (85с) семантически тривиально, то сочетание перфективного глагола с лексически кумулятивным инкрементальным аргументом (85d), как и в русском примере выше, приводит к его реинтерпретации как квантованного.

- (85) a. *kirba ooŋa-batf*
хлеб есть-1PL.S/SOSG.PST
'Мы ели/поели хлеб {неопределенное количество хлеба}' (elic.).
- b. *ŋo-liu kare ooŋa-batf, pere-za kaja*
один-RESTR рыба есть-1PL.S/SOSG.PST половина-NOM.SG.3SG остаться.3SG.S
'Мы ели/поели одну рыбу {неопределенное количество мяса одной рыбы}, половина ее осталась' (elic.).
- c. *ŋo-liu kare əma-batf*
один-RESTR рыба съесть-1PL.S/SOSG.PST
'Мы съели одну рыбу' (elic.).
- d. *kirba əma-batf*
хлеб съесть-1PL.S/SOSG.PST
'Мы съели хлеб {известное конечное количество хлеба}' (elic.).

В (86) приведены естественные примеры, аналогичные идеальным с точки зрения сопоставимости элицированным (85). В (86a) имперфективный глагол *oor-* 'есть' сочетается с кумулятивным инкрементальным аргументом *tu?* 'сало, жир' и имеет ожидаемую предельную интерпретацию, но и в (86b), сочетаясь с квантованным инкрементальным аргументом *se?o kra-je* 'семь больших быков', он также имеет предельное прочтение, реинтерпретируя этот аргумент как кумулятивный 'запас мяса из семи больших быков'. В (86с) перфективный глагол *ə-* 'съесть' имеет предсказуемую предельную интерпретацию с квантованным инкрементальным аргументом *ŋo? te* 'один олень', как и в (86d), поскольку кумулятивный инкрементальный аргумент *d'ədazu katliet?* 'щучьи котлеты' реинтерпретируется как квантованный 'известное конечное количество щучьих котлет'.

- (86) a. *tʃiba-d ese teni baʔa-xan tuz oo-da-za*
Чибa-OBV.SG.2SG отец противоположный постель-LOC.SG сало.OBV есть-FUT-3SG.SOSG
'Отец Чибы на той стороне будет есть жир'.
- b. *eke se?o kra-je, mana, d'a tero oo-da-za*
этот семь бык-PEJ сказать.3SG.S земля население есть-FUT-3SG.SOSG
'Эти семь бычищ, — она сказала, — население Земли будет есть'.
- c. *ŋo-koo te ə-ʔ n'e-zim?*
один-TOP олень съесть-CONN NEG-3DU.SOSG.CONT
'Одного оленя они таки съели'.
- d. *d'ebe-f d'ədazu katliet-ʔ əm-e-zaf*
быть_пьяным-CVV шука котлета-PL съесть-SOPL-3SG.SOPL.PST
'Он пьяный съел щучьи котлеты'.

В (85)—(86) приведены примеры с пациентивным инкрементальным аргументом (инкрементальной темой), но «славянский» тип аспектуальной композиции представлен в энецком языке и с другими инкрементальными аргументами. Так, примеры (87a—с) показывают сочетание энецких перфективных и имперфективных глаголов с так называемым инкрементальным путем («incremental path theme» по [Dowty 1991]). В (87a) инкрементальный путь задан через указание на его протяженность, а в (87b) — указанием на конечную точку, и в обоих случаях употреблены перфективные глаголы *kan'e-* 'уйти, пройти' и *tə-* 'дойти',

а предикации описывают предельные ситуации, которые завершены после того, как путь пройден полностью. В (87с) также представлено указание на конечную точку, но употреблен имперфективный глагол *d'azu-* 'идти', предикация получает неопредельную интерпретацию, и указание на конечную точку только задает направление движения.

- (87) a. *biu? metra piro-on kan'ie-z?*
 десять метр мера-PROL.SG уйти-1SG.S
 'Я прошел примерно метров десять'.
- b. *kasa-ni? no? biz baru-d to?e-ni?*
 товарищ-OBL.SG.1SG с вода.OBL край-DAT.SG дойти-M-1DU.M
 'Мы с товарищем дошли до берега'.
- c. *nadu-saj ?uli ent?eu-? d'ez d'aza-f*
 рог-СОМ очень человек-PL в_сторону идти-3SG.S.PST
 'Он шел рогами прямо на людей'.

Таким образом, энецкая аспектуальная деривация повторяет славянскую, и можно предположить, что «славянский» тип аспектуальной композиции не случайно представлен в словоклассифицирующих аспектуальных системах, хотя эта связь нуждается в более массовой проверке²⁰. В силу того, что аспектуальное значение — и связанное с ним акциональное — зафиксировано у глагольной лексемы, вполне ожидаемо, что оно будет сохраняться во всех контекстах ее употребления, а значит, семантическим эффектам будет подвергаться не акциональная семантика предикации, а семантика аргументов.

9. Заключение

В настоящей работе была рассмотрена словоклассифицирующая видовая система энецкого языка в сопоставлении с русской.

Как можно видеть, самые яркие особенности русского и, шире, славянского вида представлены и в энецком языке и, хотя это и требует дальнейшего исследования и не обсуждалось в этой статье, могут быть спроецированы на самодийский вид в целом. Во-первых, это употребление имперфектива с обстоятельствами длительности: как в русском, так и в энецком языках контексты обстоятельств длительности типа 'долго' и 'в течение времени X' берут на себя имперфективные глаголы. Во-вторых, это сочетаемость имперфектива с фазовыми глаголами: в русском языке в качестве жесткого правила, а в энецком языке в качестве сильной тенденции с фазовыми глаголами употребляются имперфективные глаголы. В-третьих, это способность имперфективных глаголов выражать завершенную ситуацию, традиционно называемая в русской аспектологии «общефактическим значением несовершенного вида»; при этом здесь наблюдается не полный изоморфизм дистрибуции видов в русском и энецком языках — возможности таких употреблений у энецких имперфективных глаголов в чем-то шире, а в чем-то уже. В-четвертых, это маргинальный статус перфективного аспектуального ракурса для неопредельных фаз ситуаций: в русском языке в этой функции используются лишь специализированные делимитативные и пердуративные аспектуальные дериваты, а в энецком такая возможность отсутствует вовсе. В-пятых, это организация аспектуальной композиции: как в русском и, шире, славянских языках, так и в энецком за предельность предикации всегда отвечает глагольная лексема,

²⁰ Однако если, как мы предполагаем, верно, что в словоклассифицирующих видовых системах обязательно представлена «славянская» аспектуальная композиция, точно неверно обратное: так, в [Е. Ханина 2006] показано, что «славянский» тип аспектуальной композиции представлен в баскском языке, имеющем словоизменяемый вид, а в [Татевосов 2009] описан случай сосуществования «славянской» аспектуальной композиции со «среднеевропейской» в одном и том же идиоме — тубаларском диалекте алтайского языка.

а не свойства аргумента. Наконец, представлены и отдельные сходства в организации глагольной парадигмы: и в русском, и в энецком языках есть основная модально-временная форма, временная референция которой определяется видом глагольной лексемы, — морфологическое настоящее время в русском языке и Аорист в энецком; в обоих языках образование некоторых причастных форм имеет сильную тенденцию к тому, чтобы быть ограниченными только глаголами одного вида.

В то же время энецкая видовая система обнаруживает и существенные отличия от русской (славянской). Наиболее яркое и очевидное отличие касается лексико-морфологической организации энецкого вида (а также, видимо, и его происхождения): в отличие от русского языка, в энецком большинство непроемных глаголов являются перфективными; среди средств аспектуальной деривации, способных образовывать глагол противоположного вида, доминируют имперфективирующие, а имеющиеся перфективирующие деривации не связаны с локативной семантикой. Представлено и существенное отличие в употреблении видов: в энецком языке обнаруживается существенно более широкая дистрибуция перфективных глаголов, чем в русском, и, как кажется, это может быть непосредственно связано именно с тем, что энецкая видовая система преимущественно имперфективирующая. Имеются и более частные отличия энецкой видовой системы от русской: так, в энецком языке не повторяется обязательный в русском идиосинкратический выбор имперфектива в императиве при отрицании — данный контекст различает два вида наряду с прочими.

Суммирование различий между славянскими (в частности, русской) и самодийскими (в частности, энецкой) видовыми системами представляет собой необходимый шаг в типологии словоклассифицирующих видовых систем в целом, но было бы некорректно обнаруженные сходства в употреблении энецкого и русского вида экстраполировать на такие системы в целом. Так, можно отметить, например, что как сочетаемость имперфективных глаголов с обстоятельством длительности, так и употребление имперфективных глаголов для выражения завершенной ситуации, наблюдаемые и в русском, и в энецком, не универсальны для словоклассифицирующих видовых систем: в арауканском языке мапуче, представляющем собой еще более яркий пример имперфективирующей системы, чем энецкий, в обоих контекстах употребляются именно перфективные глаголы (всегда непроемные) [Smeets 2007: 165]. Сопоставление деталей употребления видов в таких системах на более обширном типологическом материале остается делом будущего.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1, 2, 3	— 1, 2, 3 лицо	DUR	— дуратив
ABL	— аблатив	EVEN	— ‘даже’
ACC	— аккузатив	EXCL	— восклицательная частица
ADJ	— адъективатор	FUT	— будущее время
ADV	— адвербиализатор	HAB	— хабитуалис
CAUS	— каузатив	HORT	— гортатив
COM	— комитатив	IMP	— императивная
CONN	— коннегатив		модально-временная серия
CONT	— «контрастивная» модально- временная серия лично-числовых окончаний		лично-числовых окончаний
CVB	— деепричастие/инфинитив	INC	— инцептив
CVB.SIM	— деепричастие одновременности	INCH	— инхоатив
DAT	— датив	LOC	— локатив
DEST	— дестинатив	M	— медиальная (возвратная) лично-числовая серия
DIM	— диминутив	MULT	— мультипликатив
DIR	— директив	NEG	— отрицательный глагол
DISC	— дисконтинуатив	NEG.EMPH	— эмфатический отрицательный глагол
DU	— двойственное число	NMLZ	— имя действия

NOM	— номинатив	S	— субъектная лично-числовая серия
OBL	— косвенный падеж	SBJV	— конъюнктив
PEJ	— пейоратив-аугментатив	SG	— единственное число
PL	— множественное число	SONSG	— субъектно-объектная лично-числовая серия для объекта дв. или мн. ч.
POOR	— ‘бедненький’	SOPL	— субъектно-объектная лично-числовая серия для объекта мн. ч.
PRF	— перфект	SOSG	— субъектно-объектная лично-числовая серия для объекта ед. ч.
PROB	— пробабилитив	SUP	— супин
PROL	— пролатив	SUPP	— суппозитив
PST	— претеритальная модально-временная серия лично-числовых окончаний	TOP	— топик
PTCP.ANT	— причастие предшествования	TRANSL	— транслатив
PTCP.SIM	— причастие одновременности		
Q	— интеррогатив		
RESTR	— рестриктив		

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Аркадьев 2007 — Аркадьев П. М. Заметки к типологии префектива // Иванов В. В. (ред.). *Ареальное и генетическое в структуре славянских языков*. М.: Пробел-2000, 2007. С. 17—30. [Arkadiev P. M. Notes on prefective typology. *Areal'noe i geneticheskoe v strukture slavyanskikh yazykov*. Ivanov V. V. (ed.). Moscow: Probel-2000, 2007. Pp. 17—30.]
- Аркадьев 2015 — Аркадьев П. М. Ареальная типология префиксального перфектива (на материале языков Европы и Кавказа). М.: Языки славянских культур, 2015. [Arkadiev P. M. *Areal'naya tipologiya prefiksalnogo perfektiva (na materiale yazykov Evropy i Kavkaza)* [Areal typology of the prefixal perfective (based on the data of European and Caucasian languages)]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2015.]
- Аркадьев, Шлуинский 2015 — Аркадьев П. М., Шлуинский А. Б. Словоклассифицирующие аспектуальные системы: опыт типологии // Вестник СПбГУ. Серия 9 «Филология. Востоковедение. Журналистика». 2015. № 3. С. 4—24. [Arkadiev P. M., Shluinsky A. B. Verb-classifying aspectual systems: Towards a typology. *Vestnik SPbGU. Ser. 9 "Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika"*. 2015. No. 3. Pp. 4—24.]
- Гловинская 1982 — Гловинская М. Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М.: Наука, 1982. [Glovinskaya M. Ya. *Semanticheskie tipy vidovykh protivopostavlenii russkogo glagola* [Semantic types of the Russian verbal aspectual oppositions]. Moscow: Nauka, 1982.]
- Горбова 2017 — Горбова Е. В. Русское видообразование: словоизменение, словоклассификация или набор квазиграммем? (еще раз о болевых точках русской аспектологии) // Вопросы языкознания. 2017. № 1. С. 24—52. [Gorbova E. V. Aspectual formation of Russian verbs: Inflection, derivation, or a set of quasigramemes? (“Sore points” of Russian aspectology revisited). *Voprosy Jazykoznanija*. 2017. No. 1. Pp. 24—52.]
- Гусев 1994 — Гусев В. Ю. К реконструкции прасеверосамодийской глагольной системы. Курсовая работа. М.: РГГУ, 1994. [Gusev V. Yu. *K rekonstruktsii praseverosamodijskoi glagol'noi sistemy. Kursovaya rabota* [Towards a reconstruction of the Proto-North-Samoyedic verbal system. Term paper]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 1994.]
- Гусев 2010 — Гусев В. Ю. Стативы и декаузативы на *-w в самодийских языках // Буркова С. И. (ред.). Материалы 3-й международной научной конференции по самодистике. Новосибирск: Институт филологии СО РАН, 2010. С. 54—65. [Gusev V. Yu. Statives and decausatives in *-w in Samoyedic languages. *Materialy 3-i mezhduнародnoi nauchnoi konferentsii po samodistike*. Burkova S. I. (ed.). Novosibirsk: Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2010. Pp. 54—65.]
- Гусев 2012 — Гусев В. Ю. Аспект в нганасанском языке // Acta Linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН. 2012. Т. VIII. № 2. С. 311—360. [Gusev V. Yu. Aspect in Nganasan. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy IILi RAN*. 2012. Vol. VIII. No. 2. Pp. 311—360.]
- Зализняк 1967 — Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М.: Наука, 1967. [Zalizniak A. A. *Russkoe imennoe slovoizmenenie* [Russian nominal inflection]. Moscow: Nauka, 1967.]
- Анна Зализняк, Шмелев 2000 — Зализняк Анна А., Шмелев А. Д. Введение в русскую аспектологию. М.: Языки русской культуры, 2000. [Zalizniak Anna A., Shmelev A. D. *Vvedenie v russkuyu aspektologiyu* [Introduction to the Russian aspectology]. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 2000.]

- Иосад и др. 2005 — Иосад П. В., Пазельская А. Г., Цюрупа М. А. Типологически значимые параметры глагольной лексики: имперфективирующие деривации ненецкого языка // Подлесская В. И., Архипов А. В., Ландер Ю. А. (ред.). Четвертая типологическая школа. М.: РГГУ, 2005. С. 171—177. [Iosad P. V., Pazelskaya A. G., Tsyurupa M. A. Typologically significant parameters of the verbal lexicon: Imperfectivizing derivations of Nenets. *Chetvertaya tipologicheskaya shkola*. Podlesskaya V. I., Arkhipov A. V., Lander Yu. A. (eds.). Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2005. Pp. 171—177.]
- Исаченко 1960 — Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Ч. 2. Братислава: Издательство Словацкой АН, 1960. [Isachenko A. V. *Grammaticheskii stroi russkogo yazyka v sopostavlenii so slovatskim* [The grammatical system of Russian in comparison with Slovak]. Part 2. Bratislava: Slovak Academy of Sciences Publ., 1960.]
- Казакевич 2008 — Казакевич О. А. К вопросу о моделях описания селькупской глагольной деривации // Плуян В. А., Татевосов С. Г. (ред.). Исследования по глагольной деривации. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 114—126. [Kazakevich O. A. On the models of the description of Selkup verbal derivation. *Issledovaniya po glagol'noi derivatsii*. Plungian V. A., Tatevosov S. G. (eds.). Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2008. Pp. 114—126.]
- Кириянов, Шагал 2011 — Кириянов Д. П., Шагал К. А. Действительное причастие будущего времени совершенного вида в русском языке // Acta Linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН. 2011. Т. VII. № 3. С. 93—98. [Kirianov D. P., Shagal K. A. Future active perfective participle in Russian. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy ILI RAN*. 2011. Vol. VII. No. 3. Pp. 93—98.]
- Кузнецова 2008 — Кузнецова А. И. Аспектуальная деривация в селькупском языке: семантическая модификация глагола и способы ее выражения // Плуян В. А., Татевосов С. Г. (ред.). Исследования по глагольной деривации. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 103—113. [Kuznetsova A. I. Aspectual derivation in Selkup: Semantic modification of the verb and modes of its expression. *Issledovaniya po glagol'noi derivatsii*. Plungian V. A., Tatevosov S. G. (eds.). Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2008. Pp. 103—113.]
- Кузнецова и др. 1980 — Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Грушкина Е. В. Очерки по селькупскому языку. М.: Издательство Московского университета, 1980. [Kuznetsova A. I., Helimski E. A., Grushkina E. V. *Ocherki po sel'kupskomu yazyku* [Essays on Selkup]. Moscow: Moscow Univ. Publ., 1980.]
- Маслов 1984 — Маслов Ю. С. Очерки по аспектологии. Л.: Издательство ЛГУ, 1984. [Maslov Yu. S. *Ocherki po aspektologii* [Essays on aspectology]. Leningrad: Leningrad State Univ. Publ, 1984.]
- Оскольская 2016 — Оскольская С. А. К вопросу об аспектуальной системе нанайского языка // Вопросы языкознания. 2016. № 1. С. 76—93. [Oskolskaya S. A. A study of the aspectual system of Nanai. *Voprosy Jazykoznanija*. 2016. No. 1. Pp. 76—93.]
- Оскольская, Шлуинский 2014 — Оскольская С. А., Шлуинский А. Б. К сопоставлению аспектуальной деривации в урало-алтайских языках // Девяткина Е. М., Ганенков Д. С., Мазурова Ю. В., Маховиков Д. В., Шлуинский А. Б. (ред.). Проблемы языка: Сборник научных статей по материалам Третьей конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых». М.: Канцлер, 2014. С. 198—219. [Oskolskaya S. A., Shluinsky A. B. Towards comparison of aspectual derivation in Ural-Altaic languages. *Problemy yazyka: Sbornik nauchnykh statei po materialam Tret'ei konferentsii-shkoly «Problemy yazyka: vzglyad molodykh uchenykh»*. Devyatkina E. M., Ganenkov D. S., Mazurova Yu. V., Makhovikov D. V., Shluinsky A. B. (eds.). Moscow: Kantsler, 2014. Pp. 198—219.]
- Падучева 1989 — Падучева Е. В. Вид и лексическое значение глагола // Научно-техническая информация. Серия 2. 1989. № 12. С. 24—31. [Paducheva E. V. Aspect and lexical meaning of the verb. *Nauchno-tehnicheskaya informatsiya*. Ser. 2. 1989. No. 12. Pp. 24—31.]
- Падучева 1996 — Падучева Е. В. Семантические исследования. М.: Языки русской культуры, 1996. [Paducheva E. V. *Semanticheskie issledovaniya* [Semantic studies]. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 1996.]
- Падучева 1998 — Падучева Е. В. Опыт систематизации понятий и терминов русской аспектологии // *Russian Linguistics*. 1998. Vol. 22. No. 1. Pp. 35—58. [Paducheva E. V. Towards a classification of concepts and terms of the Russian aspectology. *Russian Linguistics*. 1998. Vol. 22. No. 1. Pp. 35—58.]
- Падучева 2004 — Падучева Е. В. «Накопитель эффекта» и русская аспектология // Вопросы языкознания. 2004. № 5. С. 46—57. [Paducheva E. V. The “incremental theme” and Russian aspectology. *Voprosy jazykoznanija*. 2004. No. 5. Pp. 46—57.]
- Перцов 1998 — Перцов Н. В. Русский вид: словоизменение или словообразование? // Чертова М. Ю. (ред.). Типология вида: проблемы, поиски, решения. М.: Языки русской культуры,

1998. С. 343—355. [Pertsov N. V. The Russian aspect: Inflection or derivation? *Tipologiya vida: problema, poiski, resheniya*. Chertkova M. Yu. (ed.). Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 1998. Pp. 343—355.]
- Петрухина 2000 — Петрухина Е. В. Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками. М.: Издательство Московского университета, 2000. [Petrukhina E. V. *Aspektual'nye kategorii glagola v russkom yazyke v sopostavlenii s cheshskim, slovatskim, pol'skim i bolgarskim yazykami* [Aspectual categories of the verb in Russian in comparison with Czech, Slovak, Polish, and Bulgarian]. Moscow: Moscow Univ. Publ., 2000.]
- Плунгян 2011 — Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011. [Plungian V. A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introduction to grammatical semantics: Grammatical meanings and grammatical systems of the world's languages]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2011.]
- Плунгян, Урманчиева 2015 — Плунгян В. А., Урманчиева А. Ю. Контрастивное прошедшее в энецком языке: уникальный плюсквамперфект и его экспансия в глагольной системе // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН*. Т. XI. № 2. С. 431—468. [Plungian V. A., Urmanchieva A. Yu. The contrastive past in Enets: A unique pluperfect and its expansion in the verbal system. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy ILI RAN*. Vol. XI. No. 2. Pp. 431—468.]
- Прокофьев 1937 — Прокофьев Г. Н. Энецкий (енисейско-самоедский диалект) // Прокофьев Г. Н. (ред.). Языки и письменность народов Севера. Т. 1. М.; Л.: Учпедгиз, 1937. С. 75—90. [Prokof'ev G. N. Enets (Yenisey-Samoyedic dialect). *Yazyki i pis'mennost' narodov Severa*. Prokof'ev G. N. (ed.). Vol. 1. Moscow; Leningrad: Uchpedgiz, 1937. Pp. 75—90.]
- Серебренников 1960 — Серебренников Б. А. Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. М.: Изд-во АН СССР, 1960. [Serebrennikov B. A. *Kategorii vremeni i vida v finno-ugorskikh yazykakh permskoi i volzhskoi grupp* [Categories of tense and aspect in the Finno-Ugric languages of the Permian and Volgaic groups]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1960.]
- Сорокина 1975а — Сорокина И. П. Категория глагольного вида в энецком языке // Дульзон А. П. (ред.). Языки и топонимия Сибири. Томск: Издательство Томского университета, 1975. С. 131—139. [Sorokina I. P. The category of verbal aspect in Enets. *Yazyki i toponimiya Sibiri*. Dul'zon A. P. (ed.). Tomsk: Tomsk Univ. Publ., 1975. Pp. 131—139.]
- Сорокина 1975б — Сорокина И. П. Морфология глагола энецкого языка. Дис. ... канд. филол. наук. Л.: ЛО ИЯз АН СССР, 1975. [Sorokina I. P. *Morfologiya glagola enetskogo yazyka*. Kand. dis. [Morphology of the Enets verb. Cand. dis.]. Leningrad: Leningrad Branch of the Institute of Linguistics, Academy of Sciences of the USSR, 1975.]
- Сорокина 1990 — Сорокина И. П. Выражение глагольной множественности в энецком языке // Черемисина М. И., Цыганкин Д. В., Володин А. П., Больдт Е. Н., Филистович Т. П. (ред.). Лексика и грамматика агглютинативных языков. Барнаул: Барнаульский государственный педагогический институт, 1990. С. 47—55. [Sorokina I. P. Expression of verbal plurality in Enets. *Leksika i grammatika agglyutinativnykh yazykov*. Cheremisina M. I., Tsygankin D. V., Volodin A. P., Bol'dt E. N., Filistovich T. P. (eds.) Barnaul: Barnaul State Pedagogical Institute, 1990. Pp. 47—55.]
- Сорокина 2010 — Сорокина И. П. Энецкий язык. СПб.: Наука, 2010. [Sorokina I. P. *Enetskii yazyk* [Enets]. St. Petersburg: Nauka, 2010.]
- Сорокина, Болина 2001 — Сорокина И. П., Болина Д. С. Словарь энецко-русский и русско-энецкий. СПб.: Просвещение, 2001. [Sorokina I. P., Bolina D. S. *Slovar' enetsko-russkii i russko-enetskii* [Enets-Russian and Russian-Enets dictionary]. St. Petersburg: Prosveshchenie, 2001.]
- Сорокина, Болина 2005 — Сорокина И. П., Болина Д. С. Энецкие тексты. СПб.: Наука, 2005. [Sorokina I. P., Bolina D. S. *Enetskie teksty* [Enets texts]. St. Petersburg: Nauka, 2005.]
- Сорокина, Болина 2009 — Сорокина И. П., Болина Д. С. Энецкий словарь. СПб.: Наука, 2009. [Sorokina I. P., Bolina D. S. *Enetskii slovar'* [Enets dictionary]. St. Petersburg: Nauka, 2009.]
- Татевосов 2009 — Татевосов С. Г. Акциональная композиция и акциональная модификация // Татевосов С. Г. (ред.). Тубаларские этюды. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 78—133. [Tatevosov S. G. Actional composition and actional modification. *Tubalarskie etyudy*. Tatevosov S. G. (ed.). Moscow: The Institute of World's Literature, Russian Academy of Sciences, 2009. Pp. 78—133.]
- Татевосов 2015 — Татевосов С. Г. Акциональность в лексике и грамматике. Глагол и структура события. М.: Языки славянских культур, 2015. [Tatevosov S. G. *Aksional'nost' v leksike i grammatike. Glagol i struktura sobytiya*. [Actionality in lexicon and grammar: Verb and event structure]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2015.]

- Татевосов 2016 — Татевосов С. Г. Структура и интерпретация ненецкого глагола: актантно-акционные классы и типы спряжения // Вопросы языкознания. 2016. № 3. С. 81—114. [Tatevosov S. G. Structure and interpretation of Tundra Nenets verbs: Eventuality types and conjugation classes. *Voprosy Jazykoznanija*. 2016. No. 3. Pp. 81—114.]
- Терещенко 1947 — Терещенко Н. М. Очерк грамматики ненецкого (юрако-самоедского) языка. Л.: Издательство Министерства просвещения РСФСР, 1947. [Tereshchenko N. M. *Oчерk grammatiki nenetskogo (yurako-samoedskogo) yazyka* [A sketch of Nenets (Yurak-Samoyed) grammar]. Leningrad: Ministry of Education of the RSFSR Publ., 1947.]
- Терещенко 1966 — Терещенко Н. М. Энецкий язык // Лыткин В. Е., Майтинская К. Е. (ред.). Языки народов СССР. Т. 3: Финно-угорские и самодийские языки. М.: Наука, 1966. С. 438—457. [Tereshchenko N. M. Enets. *Yazyki narodov SSSR*. Vol. 3: *Finno-ugorskie i samodiiskie yazyki*. Lytkin V. E., Maitinskaya K. E. (eds.). Moscow: Nauka, 1966. Pp. 438—457.]
- Терещенко 1979 — Терещенко Н. М. Нганасанский язык. Л.: Наука, 1979. [Tereshchenko N. M. *Nganasanskii yazyk* [Nnganasan]. Leningrad: Nauka, 1979.]
- Урманчиева 2005 — Урманчиева А. Ю. «Прошедшее время» энецкого языка // Осипова О. А., Которова Е. Г., Полякова Н. В., Фильченко А. Ю. (ред.). Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур. Томск: Дельтаплан, 2005. С. 99—104. [Urmanchieva A. Yu. "Past tense" in Enets. *Sravnitel'no-istoricheskoe i tipologicheskoe izuchenie yazykov i kul'tur*. Osipova O. A., Kotorova E. G., Polyakova N. V., Fil'chenko A. Yu. (eds.). Tomsk: Del'taplan, 2005. Pp. 99—104.]
- Урманчиева 2006 — Урманчиева А. Ю. Время, вид или модальность? Глагольная система энецкого языка // Вопросы языкознания. 2006. № 4. С. 84—100. [Urmanchieva A. Yu. Tense, aspect or modality? Verbal system of Enets. *Voprosy Jazykoznanija*. 2006. No. 4. Pp. 84—100.]
- Урманчиева 2013 — Урманчиева А. Ю. Образование форм аориста в самодийских языках // Acta Linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН. 2013. Т. IX. № 2. С. 734—767. [Urmanchieva A. Yu. Aorist formation in Samoyedic languages. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy ILI RAN*. 2013. Vol. IX. No. 2. Pp. 734—767.]
- Урманчиева 2016 — Урманчиева А. Ю. «Антиподы» перфекта в самодийских языках: ненецкое прошедшее время // Acta Linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН. 2016. Т. XII. № 2. С. 443—502. [Urmanchieva A. Yu. "Antipodes" of perfect in Samoyedic languages: Nenets past tense. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy ILI RAN*. 2016. Vol. XII. No. 2. Pp. 443—502.]
- Е. Ханина 2006 — Ханина Е. В. Структура события и баскский глагол. Дипломная работа. М.: МГУ, 2006. [Khanina E. V. *Struktura sobytiya i baskskii glagol*. Diplomnaya rabota [Event structure and the Basque verb. Graduate thesis]. Moscow: Moscow State Univ., 2006.]
- О. Ханина, Шлуинский 2012 — Ханина О. В., Шлуинский А. Б. Эмфатические отрицательные глаголы в энецком языке // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. Т. 116. № 1. С. 115—121. [Khanina O. V., Shluinsky A. B. Emphatic negative verbs in Enets. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2012. Vol. 116. No. 1. Pp. 115—121.]
- О. Ханина, Шлуинский 2016 — Ханина О. В., Шлуинский А. Б. Энецкий перфект: дискурсивные употребления у эвиденциально-адмиративного перфекта // Acta Linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН. 2016. Т. XII. № 2. С. 425—474. [Khanina O. V., Shluinsky A. B. Enets perfect: Discursive usage of the evidential-admirative perfect. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy ILI RAN*. 2016. Vol. XII. No. 2. Pp. 425—474.]
- Хелимский 1994 — Хелимский Е. А. Очерк морфонологии и словоизменительной морфологии нганасанского языка // Хелимский Е. А. (ред.). Таймырский этнолингвистический сборник. Вып. 1. Материалы по нганасанскому шаманству и языку. М.: РГГУ, 1994. С. 190—221. [Helimski E. A. An outline of Nnganasan morphonology and inflectional morphology. *Taimyrskii etmolingvisticheskiy sbornik*. No. 1. *Materialy po nnganasanskomu shamanstvu i yazyku*. Helimski E. A. (ed.). Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 1994. Pp. 190—221.]
- Хелимский, рук. — Хелимский Е. А. Материалы к словарю энецкого языка. Рукопись. Доступна по адресу: http://www.uni-hamburg.de/ifuu/Arbeiten/_Helimski-Enzisch.zip [Helimski E. A. *Materialy k slovaryu enetskogo yazyka* [Materials for the Enets dictionary]. Manuscript. Available at: http://www.uni-hamburg.de/ifuu/Arbeiten/_Helimski-Enzisch.zip]
- Шлуинский 2012 — Шлуинский А. Б. Фактатив и смежные категории: опыт типологии // Acta Linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН. 2012. Т. VIII. № 2. С. 950—996. [Shluinsky A. B. The factative and related categories: Towards a typology. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy ILI RAN*. 2012. Vol. VIII. No. 2. Pp. 950—996.]

- Bybee, Dahl 1989 — Bybee J., Dahl Ö. The creation of tense and aspect systems in the languages of the world. *Studies in Language*. 1989. Vol. 13. No. 1. Pp. 51—103.
- Castrén 1854 — Castrén M. A. *Grammatik der samojedischen Sprachen*. St. Petersburg: Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1854.
- Comrie 1976 — Comrie B. *Aspect: An introduction to the study of verbal aspect and related problems*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1976.
- Dahl 1985 — Dahl Ö. *Tense and aspect systems*. Oxford: Blackwell, 1985.
- Dickey 2000 — Dickey S. M. *Parameters of Slavic aspect: A cognitive approach*. Stanford: CSLI, 2000.
- Dowty 1991 — Dowty D. Thematic proto-roles and argument selection. *Language*. 1991. Vol. 67. No. 3. Pp. 547—619.
- Filip 1999 — Filip H. *Aspect, eventuality types and nominal reference*. New York: Garland Publishing, 1999.
- Filip 2005 — Filip H. On accumulating and having it all. *Perspectives on aspect*. Verkuyl H., de Swart H., van Hout A. (eds.). Dordrecht: Springer, 2005. Pp. 125—148.
- Harrison, Albert 1976 — Harrison Sh. Ph., Albert S. Y. *Mokilese reference grammar*. Honolulu: The Univ. Press of Hawaii, 1976.
- Helimski 1997 — Helimski E. *Die Matorische Sprache*. Szeged: JATE Finnugor Tanszék, 1997.
- Hoffmann 1963 — Hoffmann C. *A grammar of the Margi language*. London: Oxford Univ. Press, 1963.
- Klumpp 2005 — Klumpp G. Aspect markers grammaticalized from verbs in Kamas. *Acta Linguistica Hungarica*. 2005. Vol. 52. No. 4. Pp. 397—409.
- Krifka 1992 — Krifka M. Thematic relations as links between nominal reference and temporal construction. *Lexical matters*. Sag I. A., Szabolsci A. (eds.). Chicago: Univ. of Chicago Press, 1992. Pp. 29—53.
- Krifka 1998 — Krifka M. The origins of telicity. *Events and grammar*. Rothstein S. (ed.). Dordrecht: Kluwer Academic Publ., 1998. Pp. 197—235.
- Künnap 1978 — Künnap A. *System un Ursprung der kamassischen Flexionssuffixe*. Vol 2. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen, 1978.
- Nikolaeva 2014 — Nikolaeva I. *A grammar of Tundra Nenets*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2014.
- Paducheva 2009 — Paducheva E. V. Telicity and incremental theme. *Russian Linguistics*. 2009. Vol. 33. No. 2. Pp. 109—119.
- Siegl 2011 — Siegl F. Aspect in Forest Enets and other Siberian indigenous languages — when grammaticography and lexicography meet different metalanguages. *Documenting endangered languages — achievements and perspectives*. Haig G. L. J., Nau N., Schnell S., Wegener C. (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2011. Pp. 121—149.
- Siegl 2013 — Siegl F. *Materials on Forest Enets, an indigenous language of Northern Siberia*. Helsinki: Société Finno-Ougrienne, 2013.
- Smeets 2007 — Smeets I. *A grammar of Mapuche*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2007.
- Tomelleri 2010 — Tomelleri V. Slavic-style aspect in the Caucasus. *Suvremena Lingvistika*. 2010. Vol. 36. No. 69. Pp. 65—97.

Получено / received 30.07.2016.

Принято / accepted 27.09.2016.